

Игорь Козлов

Luftwaffe-льники. Часть 2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Игорь Владимирович Козлов

Luftwaffe-льники. Часть 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63740456

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-98941-2

Аннотация

Продолжение истории о нелегкой курсантской жизни в несуществующем на сегодняшний день доблестном Пермском ВАТУ. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пиночет, бигус и телевизор	4
Национальные кадры	24
Грызя гранит науки	32
Стихоплет	41
Полуночные покатушки	65
Автозалет	77
Туалет	82
Рас-пись-ные узоры	93
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Игорь Козлов

Luftwaffe-льники. Часть 2

Пиночет, бигус и телевизор

Как отмечалось ранее, культурная программа в училище была безнадежно скудна. Кроме информационной программы «Время» и убогого «Прожектора перестройки» по телевизору смотреть ничего не позволялось.

Однако время шло, мы выросли. Не спали на лекциях и хорошо учились. Полученные знания, законспектированные в тетрадях и тщательно проработанные на самостоятельной подготовке, просились найти достойного применения в повседневной жизни. Пытливый ум курсантов постоянно искал область реализации теории в практике. Иначе эти знания так бы и остались бесполезным балластом.

После курса лекций по электротехнике в казарме 4-й роты появилась очень полезная рационализаторская доработка: от телевизора, болтающегося на массивной платформе с цепями под потолком спального помещения до тумбочки дневального на входе в казарму, был протянут потайной провод.

Секретный провод шел под плинтусом и оканчивался микровыключателем – «микриком», расположенным на торцевой стороне тумбочки дневального, невидимой для входящего в казарму человека. Зато дневальный курсант, вздергивая правую руку в молодежеском воинском приветствии и монотонно бубня «молитву» – доклад об отсутствии происшествий, левой рукой мог незаметно обесточить телевизор.

Пока забредший на огонек офицер слушал стандартный доклад, инерционный экран допотопного лампового телевизора медленно сворачивал изображение. Огромные лампы, находящиеся в чреве гробоподобного «достижения научно-технической мысли», лениво гасли и кинескоп погружался во тьму. Курсанты, участвовавшие в несанкционированном просмотре телепередач, успевали раствориться в темноте спального помещения и принять «горизонталь» в родных кроватях, талантливо изображая беспробудно крепкий и здоровый сон.

Незатейливая система дистанционного управления работала исправно и добротна, сбоев не давала. Доклад дневальных стал размеренным и напевным, длительность его заметно увеличилась. Проверяющим офицерам приходилось минут по пять, а то и более, стоять на пороге роты, выслушивая

неторопливый и обстоятельно-подробный рапорт.

Зато после ухода дежурных офицеров нашей роты, мы получили возможность приобщиться к прекрасному, просматривая по ночам различные кинофильмы и новомодные музыкальные телепередачи.

Но как показывает жизненный опыт – никогда не стоит расслабляться или считать себя умнее других. Враг тоже умен и коварен! И уберечься от его происков можно лишь постоянно эволюционируя, то есть, набираясь опыта и подстраиваясь под постоянно изменяющиеся обстоятельства. А если проще и доходчивей – надо быть всегда начеку.

А мы как-то расслабились. Успокоились. И почивали в объятьях эйфории, абсолютно забыв, что Пиночет не дает себе ни сна, ни продыху, ни днем, ни ночью. Хотя, что с контуженного возьмешь?! Дурная голова ногам покоя не дает!

Батальон уже около месяца «плотно висел» в училище, лишенный всех видов увольнений в город. Влекомый охотничьим инстинктом, неугомонный и кровожадный Пиночет вышел на традиционную ночную охоту.

Скажем честно, ночка у него не задалась. Облазив густые заросли крапивы, заботливо рассаженные вдоль бесконечно-

го периметра ограждения территории училища и тщательно культивируемые комендантом подполковником Голдуровым (таким же законченным извращенцем, как и его лучший друг Пиночет), наш комбат, к своему стыду, никого не поймал. Не было ни одного самоходчика и все тут! Хоть вешайся от отчаяния или стреляйся.

Полковник Серов скрупулезно облазил все тайные курсантские тропы. Дотошно проинспектировал все дыры в колючей проволоке. Ничего! Ни одной поклевки!

Дело принимало неожиданный оборот, и Пиночет пошел на принцип. Переборов брезгливость по отношению к вечно чавкающим и жующим свиньям, он инкогнито посетил свинарник, надеясь застать какого-нибудь хитромудрого курсанта, тайно зарывающего в навоз пару бутылочек «беленькой». Про запас, до лучших времен. В долговременное хранение. Но опять ничего! Облом!

Жизнь полковника явно теряла всякий смысл. Пиночет начал проявлять отчаянное беспокойство. В его голове не укладывалось, что бессонная ночь может пройти впустую, без улова. Не может такого быть! Просто не бывает такого по-определению и все тут!

Комбат решил поступиться своим профессионализмом

охотника и заглянуть на заповедную территорию, где обычно никогда не охотился. Он решил обследовать самый короткий путь к ближайшему студенческому общежитию, так называемую «дорогу жизни».

Про «дорогу жизни» знали все офицеры училища. Но устраивать засады на ней считалось признаком дурного тона, недостойным искусственных ловцов нарушителей воинской дисциплины и распорядка дня. Позволить себе задержать самоходчика на «дороге жизни» могли лишь желторотые лейтенантики. И то лишь – в самом начале своей карьеры азартных следопытов. Настоящие мастера охоты на курсантов, искусственные корифеи слежки за самоходчиками выискивали более интересные варианты для самоутверждения.

«Дорога жизни»!»! Эта легендарная тропа была прямолинейна, как линия, соединяющая две точки по кратчайшему расстоянию. Земля на ней была утоптана до состояния «идеального асфальта». Ни чахлой травинки, ни захудалого цветочка не успевало вырасти на пути стада курсантов, регулярно шарахающегося по данной тропинке. Движение на ней было интенсивным и нагруженным. Оно частенько напоминало дорожку муравьев, передающих невидимую эстафетную палочку.

Незабвенная дорожка начиналась прямо от запасного вы-

хода курсантской столовой. Пролегала между двумя хранилищами бигуса. И терялась в кустарнике, прикрывающем дырку в заборе из колючей проволоки. Тропа была удобна тем, что некоторые особенно нетерпеливые ловеласы умудрялись исчезать прямо с ужина, а через полтора часа появлялись уже в расположении роты. То есть непосредственно перед вечерней поверкой. Уставшие, но довольные. И безмерно счастливые. Физиология, куда деваться?!

В порыве отчаяния, раздраженный комбат в последней надежде ринулся в темноту хозяйственного двора на «дорогу жизни». Моветон! А что делать?! Возвращаться с пустыми руками?

Для обеспечения скрытности миссии, полковник Серов таким достижением человечества как фонарик, естественно, не воспользовался. И в награду за полуночные и бестолковые странствия, неприкаянный и неугомонный следопыт Пиночет позорно свалился в яму, выкопанную за курсантской столовой прямо на «дороге жизни» для захоронения остатков бигуса.

Оступившись в темноте, Пиночет энергично хватал руками воздух, отчаянно балансируя на краю, но земля осыпалась и полковник упал на дно глубокой ямы... Убиться или покалечиться ему не удалось, так как на дне «бездны» ком-

бата ждала мягкая и зловонная подушка из протухшей квашеной капусты.

Искупавшись в вонючей жиже с запредельной концентрацией капустной кислоты, перманентно теряющий сознание полковник Серов стоял по пояс в бигусе, скребя ногтями по сырой земле, стараясь ухватиться за край ямы.

Комбат не привык сдаваться и отчаянно боролся за жизнь. Пытаясь выбраться из удушающего плена, Пиночет несколько раз обрывался и скатывался по крутым стенкам глубокой ямы, погружался в склизкое месиво почти с головой.

Яма, действительно, была превосходная. Еще бы, в ней надлежало захоронить тонно-кубометры высококачественного бигуса. Курсанты копали на совесть.

Очередной раз соскользнув на дно коварной ловушки, полковник Серов наконец-то осознал всю брэнность своего существования. Хотелось бы верить, что зарекся ловить самоходчиков...

Кричать и звать на помощь Пиночет не мог, ибо мышцы горла были спазмированы от удушающего запаха прокисшей и перебродившей капусты.

Надо отдать должное, Пиночет был настоящий боец от природы. Он настойчиво цеплялся за осыпающиеся края земляной ямы, спасая свою жизнь. А упорство и мужество всегда вознаграждаются.

С большим трудом выбравшись из плена, полковник Серов некоторое время лежал на краю бигусной ямы, переводя дыхание. Он медленно приходил в себя, не веря своему счастью. Комбат отрешенно глядел на звездное небо, в глубине которого нагло пролетали шпионские спутники – дерзкие и яркие светящиеся точки. Пиночету казалось, что эти самые спутники до мельчайших подробностей засняли и хладнокровно зафиксировали мельчайшие подробности его позорного падения и копошения в мусорной яме. И сейчас незамедлительно передают самые живописные кадры секретной киноплёнки прямо в штаб-квартиру ЦРУ, непосредственно в Лэнгли.

– Хорошо, хоть запах не научились записывать и передавать, долбаные НАТОвские консервные банки. А то бы сейчас все аналитики в США передохли от восторга.

Серов сел на краю ямы и смачно плюнул вниз. Из ямы в ответ поднялась волна нестерпимого смрада. Пиночету в голову полезли тоскливые мысли.

«Вот она, оказывается, какая могла быть смерть полковника. Хорошо бы я выглядел на дне кислотной ямы, захлебнувшийся бигусом. Нашлись бы и те, кто искренне порадовался. А виноватых, как обычно, нет. Форс-мажор и всего делов. В прощальном слове, наверное, сказали:

– Сам, мол, дубина деревянная, по ночам лазил где ни попадя. Приключения на задницу выискивал. Вот и нашел, любезный. Да закройте же крышку гроба наконец, а то слезы от нестерпимой вони так и брызжут. Просолился полковник знатно, теперь надолго сохранится. Даже бальзамировать не нужно.

Разумеется, к могилке на кладбище за километр никто не подойдет, побрезгуют. А на холмике у памятника капусту посадят, мерзавцы. Точно, капусту. Вот уроды! Так всегда и бывает. Служишь не за честь, а за совесть... а они капусту тебе на холмик! Мол, лежит тут козлиная редкостная, от капусты смерть принявшая. Эх, нет в жизни справедливости! И какая скотина дала команду вырыть на этот могильник? Знаю, знаю. Скорее всего, зам. старика по тылу полковник Адик Волченко. Сам дурак с красной рожей, горлопан, вечно пьяный. Бигусом провонял, спасу нет. И еще имя дурацкое такое – Адик. Точно, мудака какой-то! Недаром его курсанты называют: «Гадик Сволченко»! Боевой офицер чуть не погиб из-за этой тыловой сволоты. Ладно! Попросит еще

роту-другую для хозяйственных работ...»

Пиночет понемногу пришел в себя. Периодически чертыхаясь, он двинулся к дому, по пути обдумывая возможность зайти в гараж, чтобы переодеться во что-нибудь чистое и выбросить испорченную одежду, отстирать которую не было никаких шансов. Так же комбат подумывал искупаться в училищном пруду рядом с КПП, чтобы хоть немного смыть капустную слизь, которая стекала с полковника, оставляя зловонный и склизкий след.

Вместо шампуня полковник планировал использовать ацетон, уайт-спирит или еще чего покрепче. Разговаривая сам с собой, комбат грамотно рассуждал:

– Лучше вонять ацетоном, чем тухлятиной. На крайний случай, в гараже канистра 93-го бензина припасена. Придется пожертвовать на благое дело.

Проходя мимо казармы 4-й роты, Пиночет по профессиональной привычке, мельком бросил взгляд на фасад здания.

О, чудо! Матерый комбат напрягся и сделал стойку. Ибо увидел сполохи разноцветных отблесков на оконном стекле – явно работает телевизор. Причем, глубоко в неурочное время. Несанкционированно! Нарушение!

Пиночет ворвался в казарму и пулей влетел на второй этаж. От взывавшего куража и азарта, а так же в предчувствии знатного порева, полковник Серов забыл о непрезентабельном виде и сногшибательном запахе. Комбат рвался в 4-ю роту. Он летел по лестнице, как гончая преследует раненого зверя по кровавому следу.

Но и мы не лыком шиты. Сработала ночная сигнализация. Не та электронная сигнализация с многочисленными разновидностями датчиков и навороченных систем спутникового слежения, которыми оборудуют современные машины и квартиры, нет. А примитивная и допотопная. И поэтому – абсолютно надежная и безотказная.

На темном участке лестничного проема была натянута обычная нитка, на одном конце которой висела пустая мятая консервная банка из под тушенки. Пиночет на бегу зацепил нитку ногой... та порвалась... и в ночной тишине пустая консервная банка, оглушительно громокая и звеня, покати-лась по ступенькам лестничного пролета.

Комбат чертыхнулся от досады и радикально ускорился, активно помогая руками, цепляясь за перила лестницы.

Он, буквально, влетел в роту! Ворвался как вихрь! Как

ураган! Как разъяренный демон!

Но полковника ждала мирная, идиллическая картина. Бодрствующий дневальный вкрадчивым и размеренным голосом принялся спокойно докладывать уставную скороговорку об отсутствии происшествий в подразделении.

Не дослушав рапорт, Пиночет метнулся в спальное помещение. Личный состав 4-й роты, сладко посапывая, умиротворенно спал. Экран телевизора, висящего на цепях под потолком центрального коридора, был черен.

Комбат нервно заметался по казарме, пытаясь найти курсантов, шарахающихся после команды: «отбой». Сопровождающий его сержант из состава суточного наряда, принявшись к характерному амбре, предпринял попытку держаться от свирепого командира подальше, стараясь незаметно зажимать нос пальцами.

Пиночет энергично прошел по расположению роты и вдруг остановился у телевизора. Комбата осенила гениальная мысль. Полковник повернулся к сержанту. Тот мгновенно убрал руку от носа и старательно задышал ртом. Пиночет многозначительно и ехидно улыбнулся.

– Сержант Бояринов, дайте дневальному команду, пусть

принесет табуретку.

– Есть товарищ полковник! Только разрешите, я сам?! Лично принесу?!

Не дожидаясь разрешения, дежурный по роте стремительно испарился из ареала досягаемости амбре Пиночета и, найдя свободную табуретку, рухнул на сиденье, отчаянно борясь с накатывающим обмороком.

Сержант не спешил вернуться к Серову. Парень не мог надышаться воздухом. Он словно не дышал, а большими глотками жадно пил чистый и неотравленный бигусом воздух.

Устав ждать табуретку, Пиночет начал возбуждаться.

– Сержант! Вы что там, табуретку из цельного бревна выстругиваете? Я просил любую табуретку. Любую, а не ручной работы из красного дерева!

Услышав голос раздраженного комбата, дежурный подбежал к Пиночету с табуреткой, предварительно облившись одеколоном, взятым из ближайшей тумбочки.

Остановившись подальше от полковника, сержант Бояринов, максимально вытянув руки и отворачивая голову в сто-

рону, протянул табурет комбату. При этом несчастный сержант старательно работал мышцами лица, отчаянно пытаясь спасти нос от прорывающихся миазмов. Попутно дежурному по роте приходилось сдерживать слезы, непроизвольно наворачивающиеся на глазах.

Пиночет, глядя на отчаянную мимику сержанта, нахмурился.

– Сержант Бояринов! Что у вас с лицом? Нервный тик, что ли?!

– Никак нет! Просто пылинка попала в нос. И в глаза тоже. И вообще, чего-то мне нехорошо, товарищ полковник. Тошнит что-то! Наверное, бигус на ужине нечаянно съел. Самую малость... Вот и мутит.

И тут до Пиночета дошло. Он вспомнил недавнее падение. Вспомнил в мельчайших подробностях. Особенно факт длительного купания в яме с протухшей квашеной капустой.

Так как комбат провонял квашеной капустой насквозь, то его восприятие отвратных запахов притупилось. Получив запредельную дозу информации о мерзопакостных испарениях протухшего бигуса, мозг Пиночета перешел в щадящий режим. Спасая рассудок и жизнь хозяина, «ЭВМ в голове

полковника» максимально повысила порог восприятия для рецепторов обоняния. Носоглотка комбата продолжала фиксировать катастрофический уровень смердящих испарений, но мозг Пиночета гуманно отсекал тошнотворную информацию.

Но для окружающих людей запах, исходящий от Пиночета, был просто невыносимым. Более того, в целой роте никто из ребят уже не спал. Все курсанты, лежащие в койках, затаили дыхание. Мы старательно укрывались с головой, чтобы спрятаться от страшной вони, заполонившей спальное помещение казармы – огромное как по площади, так и по объему.

У Пиночета выбора не было. Отступить поздно и комбат решил идти до конца.

– Сержант, подойдите ближе и поставьте табурет на пол. Вот здесь.

Сержант уже не смог ответить: «Есть!» С трудом сдерживая приступы накатывающей рвоты, Бояринов поставил табурет в указанное место и сразу же отступил назад.

Комбат влез на табурет, вытянул руку и пощупал корпус телевизора. Естественно, «ламповый гроб» был раскален докрасна и его можно было использовать для отапливания жи-

лого помещения в холодное время года.

Полковник довольно ухмыльнулся, выдрал провода вместе с клеммной коробкой и предохранителями и торжественно обратился к личному составу роты.

– Ну, что?! Меня не проведешь. Опыт не киснет! Его не пропьешь и в карты не проиграешь. Старый конь борозды не портит! Ха-ха. Не делайте вид, что спите. Нечего прикидываться. Что, за дурака меня считали, да?! А я не дурак, нет! Я полковник! Я профессионал своего дела! Я наказываю всю роту. Так как увольнений у вас уже нет, я лишаю возможности просмотра телевизора. Провода и клеммник ложу к себе в сейф. Когда посчитаю нужным, тогда и отдам! А может, вообще не отдам. До самого выпуска. Ха-ха. Приятных снов, птенчики. Мундеркинды недоделанные! С кем решили тягаться, детишки?!

Считая миссию выполненной, Пиночет молодецки спрыгнул с табурета. Помахивая проводами и клеммником, с ехидной улыбкой он вышел на улицу. Настроение комбата заметно улучшилось. Хоть кого-то удалось прищучить. Ткнуть носом зарвавшихся и обнаглевших школяров. Он еще о-го-го! Есть еще порох в пороховницах и ягоды в ягодицах! Ради таких моментов стоит жить!

Остановившись на крыльце с чувством образцово выполненного долга, комбат довольно и сладко потянулся до остеохондрозного хруста в суставах и позвоночнике. Широко расставив ноги и гордо выпрямив спину, Пиночет монолитным памятником стоял на крыльце казармы и с наслаждением втягивал в нос кубометры чистого ночного воздуха. Вентилируя легкие, комбат широко и счастливо улыбался. Бессонная ночь прошла не зря.

Стоя на ступенях казармы, полковник Серов неожиданно услышал, как над головой захлопали ставни окон. Это 4-я рота активно боролась за свою жизнь и здоровье. На подоконниках многочисленных окон Пиночет увидел курсантов в нижнем белье, которые усиленно махали полотенцам и одеялами, стараясь выгнать из казармы отравленный воздух. Так же до него доносились многочисленные реплики с откровенно издевательским содержанием и нелицеприятными комментариями.

– Старый конь борозды не портит?! Ха-ха. Но и глубоко не вспашет. Поелозит ...и сразу сдохнет.

– Вот уж, хрен! Какая молодка его к себе подпустит? К бабушкам в Дом престарелых. И только по предварительной записи.

– Провода «ложу» в сейф! Дурилка вонючая, не «ложу», а «кладу»! Ложат чле*, причем конкретно!

– А я реально думал, что не выдержу и наблюдаю. Нет, точно! Койка у меня на втором ярусе, вот Петровичу бы внизу досталось. Верись, еле удержался?! До сих пор позывы на рвоту по кишкам шарахаются.

– И не говори. Сержант сейчас голову в раковине замачивает, аж зеленый весь. Того и гляди всего наизнанку вывернет. Досталось Боярину. Ребята одеколоном платок смочили и под нос ему пихают. Пока не очень помогает. Спазмы по телу так и бегают. Трясет не по-детски. Надо с наряда снимать, не достоин до утра.

– А Пиночет-то чего?! Неужели по ночам наш бигус подворовывает?! Не может отвыкнуть от дерьма. Вот бедолага. Жаль, конечно, человека. Жена ему точно ТАКОЕ приготовить не сможет! Тут особый талант нужен, чтобы руки из жопы росли. И секретные ингредиенты типа «зарин», «зоман», «дуст» и, обязательно, «фосген» добавить. «Фосген» даже два раза... для более качественного удушения.

– Пиночет же военный по пояс. Бигус для него – деликатес. Ностальгия! Понимаешь? Круче всякой икры. Вот по ночам по свалкам и ползает, за нами доедает.

– А чего ползать? Мы ему весь бачок сами отдадим, пусть лопает. Хоть в три горла жрет. Еще добавки накидаем.

– И чего он в этом говне полезного нашел? Его даже свиньи не едят. Рыло от лоханки воротят.

– Мама родная, а как же его домой такого вонючего пускают? Квартира по площади раз в триста меньше казармы. А у нас смрад такой, того и гляди, в окно выпадешь.

– Да уж, блевать так и тянет, сил нет. Вот урод, приперся! Жрал бы бигус в одну харю. Нет, пришел похвастаться.

– Ребята, бросай махать полотенцами, вроде полегче дышать стало. Наряд весь одеколон и туалетную воду в роте собрал и между кроватей набрызгал.

– Действительно, уже терпимо становится.

– Пацаны, Стас из проводов времянку смастерил, телек заработал! Айда, кино смотреть. В ночном сеансе «Полосатый рейс» показывают.

Курсанты дружно попрыгали с подоконников и исчезли в глубине здания. Раздосадованный Пиночет с тоской посмот-

рел в раскрытые окна казармы. На белом потолке второго этажа заиграли разноцветные блики – начинался «Полосатый рейс».

После обилия услышанного в свой адрес, возвращаться в роту для наведения пошатнувшейся воинской дисциплины комбату почему-то не захотелось. Повертев в руках ставший бесполезным клеммник и провода от телевизора, обиженный Пиночет забросил их в открытое окно казармы. Затем, оттянув на себе одежду, он пару раз втянул носом воздух, брезгливо скривившись, и быстрым шагом скрылся в ночной темноте.

На следующий день и еще пару недель кряду на всех построениях от Пиночета разило адской смесью бензина, ацетона и различных дешевых и дорогих одеколонов. Сквозь гремучую парфюмерную смесь все же назойливо пробивался запах бигуса.

После той ночи у полковника Серова появилось железное правило – всегда становиться от собеседника с подветренной стороны.

Национальные кадры

В Советской армии существовал и активно насаждался известный лозунг, рожденный в недрах Главного политического управления Министерства обороны: «Народ и армия едины!»

А так как народ в СССР был многонациональный, то и армия тоже была многонациональная. В соответствии с Конституцией, все граждане Советского Союза наделялись равными правами и возможностями, особенно по защите единой и неделимой Родины. Красиво, впечатляюще и справедливо, не так ли?!

Вот только условия поступления в военные училища для представителей различных национальностей и народностей были очень даже различные.

Выполняя строгие указания ГЛАВПУРа, руководству нашего училища и... не только нашего, приходилось основательно прореживать многочисленную толпу желающих стать красными офицерами из русских, украинцев и белорусов. При этом открывали «зеленую улицу» фактически без экзаменов и вне конкурса представителям Средней Азии, Кавказа, Молдавии, Прибалтики, и прочих уважаемых братских

республик и автономий нашей необъятной страны.

Могу сказать, что на тридцать человек 45-го классного отделения приходилось двадцать национальностей и народностей. Славян было менее десяти человек. Зато в дружном коллективе числились: таджик Мишка (Мумин), казах Эрик, армянин Эдвард, азербайджанец Федя (Фахраддин), башкиры Тамерлан и Радул, молдаванин Олесь, татарин Раис, киргиз Адиль, грузин Костя (Котэ), чеченец Золман.

В нашем отделении более года образцово служил и отлично учился замечательный и умный курсант – еврей Ицек. Но его подвело здоровье и пареня комиссовали в начале 2-го курса обучения. Расставаясь с нами, он плакал.

Еще были: осетин Илья, латыш Марис, «русские» немцы братья Курт и Карл, тувинец Булат, уйгур Коля (возможно – Кола), белорус Вася, пятеро русских и хорошие ребята с Украины.

И еже с ними учились парни редких и почти неизвестных народностей, о которых мы вообще никогда ничего не слышали.

Удивительно, но у ребят из Средней Азии и с Кавказа, которые абсолютно не владели общепринятым государственным

ным языком, были фантастически замечательные аттестаты за среднюю школу. В основном, сплошные пятерки! Хоть в МГУ принимай медалистов-отличников.

Когда эти «гении» немного освоились и приблизительно через год учебы начали с большим трудом, но все же понимать русскую речь, любопытствующая курсантская братия стала активно пытаться их следующими вопросами.

– Фахраддин! Ты не против, если тебя Федей будем звать? А то язык можно сломать пока выговоришь. Фахраддин. Вот имечко! Нарочно что ли так называли? Объясни мне – тупому русскому, как ты, имея в аттестате пятерку по математике, до сих пор «два плюс три» на пальцах считаешь?! И каждый раз у тебя разные ответы получаются. Ты же вундеркинд дипломированный! Медалист золотой.

Здоровенный азербайджанец Федя-Фахраддин скромно улыбался, досадливо отмахиваясь огромной ручищей. Федя мог легко обхватить трехлитровую банку полную воды ладонью одной руки. И оторвав ее от стола, держать в воздухе длительное время. Как все невероятно сильные люди, Федор был добряком и неторопливым увальнем. Он даже говорил медленно, неспешно, обстоятельно подбирая каждое слово.

– Э-ээ! Да это не я отличник. Папа мой отличник. Папа

к директор школа ходил. Говорил долго. Домой ходил, барашек резал. Опять к директор ходил. Говорил много. Делал много. Для один сын мой папа ничего не жалко! Я это один сын! Остальной дети – только пять мой сестеры. Я – гордость фамилий! Род! Мужчина! Все в дом для меня не жалко. Папа в школу много ходил. Один барашек – один пятерка. Много барашек папа резал.

– Охренеть, надо же?! Ты слышал, Лелик? Пока мы десять лет в школе мозгами скрипели, всякие таблицы от банально-го умножения до Брадиса слюнявили, Федору раз – и золотую медаль на блюдечке! Бери дорогой, не стесняйся! Федя, позволь полюбопытствовать, друг любезный, а какого рожна ты в армию поперся? Тебе самое место в институте науку двигать: атомы расщеплять, бензин мочой разбавлять. Или на директора магазина учиться: усушка, утруска, испарения, лом, бой, пересортица и все такое.

– Не. Институт не хачу, скучно, долго! Надо диссертаций покупать. Защищать диссертаций надо. Много банкет в ресторанах делать, долго. А на директор магазин не получилось. Мой семья немного бедный. Нет возможность директор магазин быть. Нет в дом столько денег. Мой папа немного бедный. Начальником хачу стать. Бальшим, важным. Черный «Вольга» хачу. Все уважать Фахраддин будут! Папа мой уважать будут. Скажут: «Какой Фахраддин стал?! Черный

«Вольга» за ним привозить!» Папа серьезный ходит, важный! Хорошо.

– Ты хочешь сказать, что в форме ты – начальник?

– Да, кто форма и погону носит – большой начальник! В наш милиций мест не был. Очередь туда большой, ждать очень долго. Пожарник мест не был. Папа барашек резал, военком ходил. Военком вино пил, барашек кушал и говорил: «Разнарядка военный училищ есть. Форма будет, погон будет, Фахраддин начальник будет!» Папа головой кивал, военком руку жал. Друзья!

– Федя, а в ВВС-то зачем? Тут летать надо. Самолет вжи-жи, ремонтировать нада мало-мало. А? В экипаж попадешь, летать нада. С парашют прыгать нада. Страшно! А, Федор?!

– Фахраддин не будет летать. Высота сильна боюсь. Училище закончу, домой поеду. Папа с военком вино пил, я помощник военком буду. Начальник! Может «Вольга» дадут. Красивый «Вольга», черный. Домой в отпуск ездил. По городу в форме с папой ходил, все видел Фахраддина в форме. Папа важный ходил, все уважают. Папа что-то говорил, все слушал молча, головой кивал. Хорошо!

– Федя, а скажи нам честно. Ты на экзаменах в учили-

ще был? Ты вообще писал чего-нибудь? Корень квадратного многочлена искал?

– Не, не был. Мне бумажка военком дал, что экзамен в Баку сдал. На один пятерка сдал. Папа барашек резал, военком барашек кушал.

Ну что тут скажешь?! У каждого свой путь в армию и в авиацию. Многие пацаны, не набравшие баллы на вступительных экзаменах, домой в слезах поехали. А сколько толковых мечтателей о небе конкурс не прошли?! Потому как банально мест в училище не хватило! Кончились места! Причем, большая половина еще до вступительных экзаменов и кончилась.

Правильный лозунг придумали в ГЛАВПУРе: «Народ и армия едины!» Какой народ, такая и армия!

Хотя, если честно, с Федей проблем не было. Работал, как вол. Служил замечательно. В нарядах не спал. Грязи не чурался. Туалеты драил. Марш-броски бегал. Тяжеленный пулемет таскал без усталости. Даже учиться пытался по мере сил и возможностей. После училища, получив распределение в строевую часть, после ряда замысловатых комбинаций поехал на малую родину – служить в военкомате большим начальником. И таких, как Федя в 45-м отделении было две

трети.

Вопросов нет, ребята из национальных кадров, в основной массе были замечательные. За годы обучения не возникло ни одного конфликта на межнациональной почве. Даже когда начались трения в городах Сумгаит и Степанакерт между армянами и азербайджанцами, Федя и Эдвард оставались самыми закадычными друзьями и ездили в отпуск вместе. Настоящая мужская дружба оказалась гораздо прочнее политики и выше межнациональной розни.

Чеченец Золман – образец честности и порядочности. Справедливость и чувство ответственности были у него в крови, на генетическом уровне. Он добровольно вызывался на самые трудные участки службы и неприятные работы. Как будто хотел доказать всем, а в первую очередь самому себе, что и это ему по силам. На изнурительных марш-бросках Золман всегда тащил ослабевших товарищей. Однажды он пересек финишную линию с восемью автоматами, помогая менее выносливым сослуживцам дотянуть после десятикилометрового марша. Как не уважать такого парня, даже если его и приняли в военное училище «за красивые глаза»?!

Службу тащили все на равных, независимо от национальности и религии. Туалеты мыли и очки драили без базаров, что это «не мужская» работа. Жили по принципу: «Нагадил,

убери за собой. Здесь слуг нет!»

В наряд на свинарник ходили и православные, и католики и мусульмане. В дружной военной семье различий не было. Все ребята стали составной частью единого организма.

Грызя гранит науки

А вот учеба давалась всем по-разному. Некоторые ребята по-русски более-менее научились разговаривать лишь к третьему курсу. Но им кое-что прощалось. Хотя, чего крикнуть душой, прощалось почти все, включая полное отсутствие знаний по точным наукам. Ибо установка ГЛАВПУРа была строга и однозначна: «национальные кадры за неуспеваемость не отчислять».

В военном училище существовала развитая система анализа успеваемости личного состава. На 20-е число календарного месяца проводился скрупулезный подсчет неудовлетворительных оценок у каждого курсанта в отдельности по всем предметам и за классное отделение в целом. Данная информация стекалась в Учебный отдел училища, где сидели яйцеголовые офицеры-аналитики. Они составляли занудные сводки и давали научно-обоснованные рекомендации для корректировки учебного процесса. А так же рекомендации командованию обратить внимание на то или иное подразделение, где произошла «просадка» успеваемости, с целью провести воспитательную работу и мобилизовать всех и вся для ликвидации угрозы отчисления из училища отставшего курсанта.

На деле вся воспитательная работа обычно сводилась к массовому лишению увольнений в город. Причем, зачастую поголовно всех, включая отличников.

– Сидите ребятки и учите. Дружно грызите гранит науки и подтягивайте отстающих. А когда исправите двойки, то отстающие все равно будут сидеть дальше. А в город к девочкам пойдут отличники и хорошисты. Селекция, однако! Дебилам к девочкам нельзя. Не стоит генофонд нации крети-нами портить! Хотите к девочкам? Закрывайте хвосты.

Физиологический стимул для поднятия успеваемости, со-гласитесь, весьма прогрессивно действует. Зигмунд Фрейд был прав. Гормоны играют, а у тебя «банан» по сопромату. Сиди, учи... и держи себя в руках, пока другие на городских дискотеках отрываются и с красивыми девушками знакомят-ся.

По-большому счету, личная успеваемость отдельно взято-го курсанта особо никого не интересовала, ибо в армии куль-тивируется коллективная ответственность за себя и за това-рищей. И отцы-командиры боролись и будут бороться, что-бы именно его подразделение носило звание: «Отличное». Тогда глядишь, в академию отпускают. Или внеочередную от-крытку на покупку дефицитного автомобиля подкинут. Ко-роче, служите и вас заметят! А может, даже и наградят?! По-

смертно! ...а так хочется, чтобы при жизни.

В легендарном многонациональном 45-м отделении, обильно насыщенном школьными медалистами и круглыми отличниками, выращенными на «репетиторстве овец и баранов», результат в двести двадцать двоек на тридцать штыков личного состава, по итогам на 20-е число был рядовым явлением.

Учитывая, что из тридцати человек доблестного отделения далеко не все получили аттестаты в обмен на отару овец, то где-то с десяток человек училось очень даже прилично – на 4 и 5. Остальные две трети отделения являлись круглыми, стабильными и беспросветными двоечниками абсолютно по всем предметам сразу.

На традиционных построениях в конце учебного месяца капитан Хорошевский, мрачно прогуливаясь вдоль строя ученичков с распечаткой итогов успеваемости, раздраженно бормотал.

– 41-е классное отделение. Шесть двоек на 20-е число. Позор! Вы тянете нашу отличную роту назад. Прямо в яму. Из-за таких неучей и бездельников у нас отобрали переходящий красный вымпел. И передали залятым друзьям снизу – в незабвенную 5-ю роту. У вас в отделении ни одного нац.кад-

ра! Откуда двойки? Ась?! стыдно! стыдно и обидно до слез!

Капитан с нескрываемым презрением посмотрел на ребят, съезжившихся под его тяжелым взглядом.

– Все, *здец! В выходные дни парадную форму можете не гладить. Даже не подходите к каптерке. Никто из 41-го в увольнения не идет. В отделении одни чистокровные славяне и шесть двоек?! Опять на самоподготовке в домино рубились? Поймаю, подвешу за яйца! лейтенант Гвоздев! А Вам, командир этого долбанного взвода, я бы посоветовал ежедневно и персонально контролировать самостоятельную подготовку вверенного личного состава. Распустились!

Хорошевский эмоционально рубанул по воздуху рукой. Сказал, как отрезал. Личный состав 41-го отделения тоскливо опустил плечи и повесил носы. лейтенант Гвоздев съезжился до размера сапожного гвоздика. Капитан был суров и страшен. По косвенным признакам можно было предположить, что Володю уже «поимел» в приватной беседе ужасный Пиночет. Причем, поимел в самой извращенной форме.

– Так. Далее 42-е и 43-е классные отделения – молодцы! Ни одной двойки. Чувствуется работа сержантов и комсомольского актива. Работа и результат на лицо! Всем увольнения! И в субботу, и в воскресенье! Все 100% личного со-

става на волю в пампасы. Город у ваших ног, два дня на разграбление, хе-хе! Сержант Гвинтовка, списки увольняемых мне на стол. Так держать, парни! Горжусь!

Курсанты из 42-го и 43-го отделений вдохнули полную грудь и приняли высокомерный вид. Ротный тем временем продвигался.

– 44-е отделение. Одна двойка. У Чижевского за сопромат! Охренеть! И это отделение – гордость батальона и всего училища?! «Отличное отделение»?! Так вот голубчики, хуль вам, а не увольнения! Будете сидеть день и ночь в «ленинской» комнате. И все вместе будете заталкивать или вбивать в тупую башку Чижевского весь этот долбанный сопромат! Всем понятно? Кто не согласен, может передать персональное спасибо гениальному мундеркинду Чижевскому! Или написать жалобу в ООН, Пе-рэ-су де Ку-эй-ля-ру. Вопросы? Вопросов нет.

Командир роты остановился напротив курсанта Чижевского и, скрутив листок с оценками в трубочку, постучал по голове бестолкового парня. Чижик густо покраснел и виновато засопел. Сопромат находился далеко за пределами его понимания.

Капитан Хорошевский еще раз постучал по голове Чижев-

ского, старательно прислушиваясь к отголоску.

– И ни-кто ни-ког-да в увольнения не пойдет. И не мечтайте. Кто сказал про срочные и важные переговоры по телефону? Ась?! Все вопросы к Чижевскому. Хоть «темную» ему устройте. Хоть сами за него «летучку» по сопромату перепишите. Мне все равно! Но до следующего 20-го числа в 44-м «отличном отделении» увольнений в город нет! НЕТ! Нет! И нет! Вот вам Чижевский. Учите его или казните, мне все равно! Мне важен результат на 20-е число! Вернете звание «отличного», тогда поговорим. Все, как сказал великий Ленин: учиться, учиться и учиться!» Кто не согласен с классиком марксизма-ленинизма? Никто! Я так и знал.

Дошла очередь и до 45-го классного отделения. Хорошевский сразу помрачнел, почернел как никогда. Он долго смотрел в бумажку с двойками, сопел, прокашливался, набирался сил и наконец выдавил.

– Ага, наконец-то 45-е, многоликое и многонациональное! Сборище потенциальных нобелевских лауреатов. Стадо вундеркиндов, банда законченных дебилов и отъявленных негодяев. Ууууу! Смерти моей хотите, да? Господи, ну почему же вы такие тупые?! За какую провинность мне всучили такое количество безнадежного и беспросветного быдла?! Ёёёёёёё! Ладно, лирику в сторону, а теперь сухой язык

цифр. Сто восемьдесят две двойки! Всего-то. Ну что же ребята, сразу видно, что в этом месяце вы все очень хорошо поработали. Старательно напрягли остатки извилин... даже те, у кого от рождения одна извилина и та – на жопе! Что отрадно, результат не заставил себя ждать. У вас наметились заметные сдвиги и радикальная динамика в положительную сторону. Учебный отдел и командование училища приятно удивлены и, прямо сказать, довольны. Так держать! Всего-то, смешно сказать – сто восемьдесят две двойки. Ха-ха! Сто восемьдесят две, а не обычно-стандартные двести! Начинали-то с двухсот двадцати в месяц. М-да, было дело. Вспомнить страшно! А теперь, молодцы! Молодцы! Старшина, подготовь увольнительные записки для 45-го отделения. Ребята в этом месяце достойно потрудились. По труду и награда! Замечательный прогресс в успеваемости надо достойно поощрить. А полудурки из 41-го и 44-го отделения, где все имеют славянскую внешность и внятно чирикают по-русски, пусть берут пример с 45-го «дикого» отделения и перенимают передовой опыт. Ну вот, в принципе, и все. Чуть не забыл, по итогам месяца рота откатилась на второе место по успеваемости в батальоне и потеряла звание «отличная». Позор! На первом месте 5-я рота с разрывом в одну двойку. В одну сраную двойку! И это при том, что у них на четыре нац.кадра меньше, чем у нас. О чем это говорит? А говорит это о том, что у наших абреков и басмачей потенциал гораздо выше, чем у душманов и саксаулов из 5-й роты.

И мы просто обязаны быть на первом месте в батальоне по успеваемости, а никак не на втором. Второе место никому не нужно! Второй – значит последний! Я считаю, что этот позорный факт целиком и полностью ложится на плечи «отличного» 44-го отделения, которое не имеет права получать неудовлетворительные оценки. Никогда! Чижевский, это ты во всем виноват! Мерзавец, дубина, эюра тупая, бестолочь! Ух, я тебя... доведешь до греха! Сиди и учи, пока сопромат из ушей не потечет! Всё, все свободны! Повторяю – особая благодарность 45-му классному отделению. Видно, что парни приложили максимальное количество усилий и выходят на новые рубежи и головокружительные орбиты. Молодцы! Ведь могут же?! Могут, когда захотят. Так держать! Я вами горжусь! Глаза бы мои вас всех не видели. Тьфу! Разойдись!

Вот такие дела. Можно сказать, мне даже повезло служить и учиться в таком оригинальном отделении. Пересказывая и объясняя на самостоятельной подготовке по десять-двадцать раз один и тот же материал для ребят со слабым знанием русского языка, я научился терпимости в общении с людьми. А так же сам непроизвольно усваивал предметы до уровня наших преподавателей.

В результате чего, на экзаменах всегда отвечал без подготовки и только на «отлично». Но речь сейчас не обо мне. Речь пойдет о выдающемся и непревзойденном, в своем ро-

де, киргизе по имени Адиль.

Стихоплет

В военном училище, где нет возможности уединиться и побыть один на один со своими мыслями, в условиях жестко регламентированного распорядка дня и культурного голодания, у многих ребят неожиданно раскрывались неизвестные и ранее скрытые способности. Монотонные будни заставляют человека искать занятия по душе, которые помогли бы отвлечься от угнетающего однообразия и хоть как-то скрасить рутину повседневной жизни.

В замкнутом периметре колючей проволоки курсанты испытывали непреодолимую тягу к творчеству. Кто-то из ребят начал плести ажурные цепочки из нихромовой проволоки. Кто-то стал рисовать и весьма прилично. Витя Копыто начал писать письма многочисленным подругам по пятнадцать-двадцать листов каждое. Стоит особо отметить, что эти письма не всегда помещались в стандартный почтовый конверт. Можно только предполагать, какими обильными потоками слез умиления и восторга были омыты эти «литературные перлы».

А вот киргиз Адиль неожиданно для самого себя начал писать стихи. Причем, писать начал на языке, которого практически не знал – на русском.

Попытаюсь процитировать эти стихи. Примерно, конечно же, но по-возможности, максимально близко к оригиналу. Для удобства прочтения на месте ударения в слогах стоит заглавная буква.

Дружище ЗахАр

Съешь мой сахАр

Автомат, портянка, тумбочка

В мой аул есть пять дом и два улочка

Мой родина мать

А папа кетмень

Я стою на посту

И стою целый день

Буду дальше стоять

Потому что не лень и т.д.

«кетмень» – по словам Адила, какое-то древнее национальное киргизское орудие труда, типа мотыги специальной, которую, при желании, можно использовать как оружие.

К творчеству самобытного поэта мы относились терпимо и с пониманием. Не зубоскалили и не критиковали. В военном училище нас научили принимать окружающих такими, какие они есть, с их достоинствами и недостатками, с сильными и слабыми сторонами.

Если откровенно рассудить, то каждый из нас – далеко не подарочек. Главное, чтобы человек был хороший. А у каждого есть право на личное стадо муравьев в персональной головушке. Это бесспорно и обсуждению не подлежит. Людей надо стараться понять и поддержать. Ведь мы находились далеко от дома, в непривычных и чуждых для себя условиях.

В свое время я тоже немного баловался графоманией и по просьбам ребят веселил их какой-нибудь ерундой. Иногда под заказ карябал пару незамысловатых строк о чистой и вечной любви, чтобы кто-нибудь из пацанов вставил рифмованную лабуду в письмо для девушки. На лавры великого Пушкина никогда не претендовал, но ребята смеялись от души. А смех, как известно, снимает усталость и продлевает жизнь. Курсантам мои потуги на стихоплетство нравились.

Они частенько просили озвучить какую-нибудь незатейливую эпиграмму. Я никогда не капризничал и не отказывал. Все дружно хохотали и при случае, просили почитать еще. Их смех был благодарным и очень искренним, а на большее я и не рассчитывал.

И вот, как ни странно, начинающий поэт решил получить благословление на творческую деятельность именно от меня. Так, неожиданно для себя, я стал первым доверенным слушателем, критиком и идейным вдохновителем нашего Адила.

Однажды ночью с горящими от возбуждения глазами (кстати, внешне Адиль очень похож на афганского душмана, особенно темной ночью), Адиль разбудил меня и попросил оценить его новые произведения.

Не смотря на страстное желание послать Адила в дальнее пешее путешествие и завалиться на кровать, чтобы досмотреть внезапно прерванный эротический сон с участием сексапильной Мишель Мерсье в образе несравненной Анжелики, я героически выслушал очередное творческое изыскание. Даже старательно отрифмованное.

Самолет лететь на небо

Я стоять, махать рукой

Летчик смелый, сильный, умный

Воздух чисто голубой

Тучка есть совсем немного

Не мешать лететь ему

Я пойду своя дорога

Буду кушать бастурму и т.д.

– Саша, мне важно знать твой авторитетный мнений. Ты сам очень понятно пишешь. Твой стихи – музыка для мой уши. Мне интересна твой добрый слово на мой стихи. Ну как? Скажи только правда! Я не обижаться и пойму правильно. Не сильно гавно?

Художника обидеть может каждый. Творческая натура легко ранима. Критика в этом случае была просто неуместна. Вспоминая, как начинал Адиль, прогресс был грандиозный. Я искренне похвалил парня уже за само желание творить. При этом мне пришла в голову занятная мысль. Стараясь открыто не зевать, я выдал следующее.

– Адиль, это гениально! Учитывая, что русским языком ты владеешь так же виртуозно, как я китайским то, не кривя душой, могу сказать, что ты – молодец!

Адиль просиял. В темноте спального помещения блеснула ослепительно белая улыбка. Находясь в полусонном состоянии, я подумал: «Почему у него такие белые зубы? Щетку и пасту впервые увидел в училище, а белизна зубов, как с агитационной картинки в медсанчасти». Но речь не о зубах, а о творчестве и я продолжил.

– Слушай, дружище! А какого рожна ты пишешь на русском. Пойми правильно, все красивое давно написано. В русской литературе есть такие знатные поэты, как Есенин, Некрасов, Гумилев, Пушкин, Фет, Блок, Маяковский, Багрицкий, Ершов, Мандельштам, Вяземский, Высоцкий, Филатов, Галич, Цветаева и многие другие.

Киргиз искренне ужаснулся. Он не ожидал, что в русской поэзии есть еще кто-то, кроме Пушкина, портрет которого висел в школе родного аула. Более того, Адиль по наивности считал, что все стихи, а так же и все, что с ними связано, написано исключительно А.С. Пушкиным. А уроки по русской литературе были любимым предметом в родной школе, так как на закономерный вопрос об авторстве любых стихов, от-

вет его соплеменников был предельно прост: «Пушкин». И все тут. Гарантированная пятерка в кармане, то есть в дневнике. И в аттестате кстати тоже.

Итак, Адиль был в шоке. Он выпучил раскосые тёмно-карие глаза, словно удивленная сова.

– Их так много?!

– Да, дорогой! Их очень много. Гораздо больше, чем ты можешь представить. Россия испокон веков славилась умными людьми, особенно в литературе. И зачем тебе состязаться с ними? Что мешает стать самобытным национальным поэтом?! Рупором народа, так сказать. Начни писать на родном языке. Сколько у киргизов признанных в мире стихотворцев? Не знаешь? И я не знаю! Вот ты и будешь первым. Не надо тратить время на перевод своих гениальных мыслей с киргизского языка на русский, мелодичность теряется. Сразу пиши на киргизском языке. Заодно и прославишь его. Язык бескрайних степей. Шум ветра. Незабываемый запах травы и навоза. Лошади, овцы и верблюды, кумыс, кизяк и прочее. Короче, дерзай.

Я еще долго лепетал что-то несвязное, вливая в уши Адиль беспросветную лабуду. Мой язык временами переставал шевелиться, я засыпал. Но Адиль все понял как надо. Его

осенила великая идея написать грандиозную поэму. И работа закипела.

По ночам после команды «отбой» Адиль бежал в «ленинскую комнату», где старательно изводил кубометры бумаги. Временами на самостоятельной подготовке он просил пару минут нашего драгоценного внимания. Выходил к учебной доске и начинал страстно читать готовые отрывки из будущей поэмы.

Кабарды булда секты

Чемберды копна елды

Ичфулда манты пинду

Хабарлы дурта фяндУ...

Хочу предупредить сразу, что за достоверность не ручаюсь. Воспроизвожу по памяти. Возможны катастрофические ошибки, искажающие весь гениальный смысл эпохального произведения. Прошу простить, оригинал не сохранился. Тем не менее, что-то похожее и созвучное.

Затем казарменный поэт скромно замолчал, с надеждой взглядываясь в наши задумчивые и одухотворенные лица. Мы

были великодушны. И хотя никто из нас ничего не понимал, мы горячо хвалили творчество Адиля, часто прося повторить тот или иной кусок стихотворения.

Наш киргиз светился от удовольствия. Это давало силы и вдохновение для продолжения работы над нетленным творением. Как мало надо человеку, чтобы улучшить настроение и подарить маленький кусочек счастья!

Но с ростом объема поэмы Адиля ему требовалось более серьезная поддержка. Писать стихи – это тяжелый труд, поверьте на слово. Этот труд сопровождается кризисами, творческими взлетами и провалами. А большому поэту для уверенности в себе и подпитки сил необходимо признание более многочисленной аудитории благодарных слушателей, нежели наше, достаточно лояльное к творческим изысканиям Адиля, 45-е классное отделение. И такой случай вскоре подвернулся.

Однажды незабвенный и малоуважаемый комсомольский вожак Конфоркин долго суетился и что-то нудно блял про глобальный конкурсный концерт всенародной самодеятельности бездарных и безталантных, убогих и безголосых. Причем, в формате училища.

Вождь пытался агитировать курсантов принять активное

участие в законченной показухе, направленной исключительно на благо мира во всем мире. Упирая на то, что победители сомнительного конкурса поедут с дружескими визитами в ракетное училище и в училище внутренних войск нашего гарнизона.

К тому же, в качестве главной заманиловки, Конфоркин авторитетно обещал, что на время репетиций и проведение самих концертов все участники конкурса гарантированно освобождались от многочисленных видов нарядов и хозяйственных работ.

Соблазнительно, конечно. Но тем не менее, готовых выставить себя на посмешище курсантской публике, почему-то не находилось. И тут меня осенило.

– Слышь, Конфоркин. Только тебе! Только по секрету! Исключительно из-за хорошего отношения. Да не суетись и спрячь блокнотик. Лично у меня талантов нет и не предвидится. Но я знаю такой талант! Просто, талантище! Человек огромной самобытной культуры. Поэму по ночам ваяет. Причем, исключительно на киргизском языке. Представь, сколько тебе плюсов, как секретарю комсомольской организации! Среди всеобщей серости и убогости, Конфоркин нашел, воспитал, взлелеял и выпестовал редкую жемчужину! Может даже назначат в секретари батальона! Ну, чем не ка-

рьерный рост? Показать, где талант обитает?

Конфоркин прикинул возможные головокружительные перспективы в скудном умишке и ухватился тонкими ручонками за рукав моей гимнастерки. Идея ему понравилась. Еще бы, такая удача. Но его точило смутное сомнение.

– На киргизском стишки, говоришь. А если наше быдло необразованное не поймет? Они же русскую речь не всегда с первого раза понимают. Вдруг освистают, мерзавцы? Это же риск, на грани провала с последующей опалой. Могут обвинить в политической близорукости! Понимать надо.

– Не сомневайся, все будет в лучшем виде. Тем более, это развитие национальной самобытной культуры! Замполит просто охренеет от восторга! А успех я обеспечу. Грандиозный успех будет, поверь на слово. Только одно маленькое условие. Ты, дружок, в агитбригаду запиши еще человек с десятков. Я скажу кого именно, только петь-позориться и скакать по сцене мы не будем, учти. Мы, так сказать – группа поддержки нашего поэта. От нарядов, естественно, полное освобождение. А так же еще индульгенция от общественно-комсомольских поручений на будущее. Никаких стенгазет, докладов на собраниях, участия в политических форумах, конференциях, семинарах и прочей фигни. Идет? А успех будет просто потрясающий! Ошеломительный успех

будет! Факт! Гарантирую!

Хлопнули по рукам и я надиктовал десяток фамилий проверенных ребят из разряда «рецидивистов-заводил-раздолбаев». Комсорг пытался отнекиваться и спорить о целесообразности привлечения подобных кандидатур, но я сумел найти нужные слова. Отпустив сияющего Конфоркина, изложил парням абсолютно гениальный, но простой в исполнении план.

Наступил день долгожданного конкурса. В просторном училищном клубе полудремал 1-й учебный батальон. Пригнали всех до последнего человека. Естественно, присутствовал партийный бомонд и комсомольский актив. В юри восседали важные представители политотдела училища. Офицеры батальона организованно расположились на первых рядах зрительного зала.

Конкурсанты в порядке очередности выходили на сцену и пытались блеснуть скудными талантами. Кто-то бездарно пел, совершенно не попадая в такт. Кто-то играл на гармошке или гитаре, страшно фальшивя. Кто-то убого показывал заезженную миниатюру. Кто-то пытался пародировать Хазанова.

Все было достаточно топорно. Зал откровенно скучал и

вяло похлопывал. Откровенных бездарей и коновалов тупо освистывали. Тоска смертная! Но выбора не было. Ибо лучше быть зрителем на безалаберно халтурном конкурсе, чем активным участником на праздничном кроссе по пересеченной местности на дистанции в шесть километров при полной боевой выкладке. Или, упаси Господи, корячиться на грузо-погрузочных работах в бездонных складах ближайшей товарно-сортировочной базы.

Подошла очередь Адиля. Киргиз вышел на сцену и принял многообещающую театральную позу. Надо отметить, что парень был достаточно колоритной фигурой. Рост за 180 см, голова солидного шестидесятого размера, огромные руки, раскосые глаза, смуглое скуластое луноликое лицо, иссиня-черные волосы, кривые ноги и сапоги 46-го размера. Ну точно, душман афганский! (шутка, парень был наидобрейший).

Адиль картинно заломил руки и, выпучив раскосые глаза, эмоционально резанул минут на пятьдесят без перерыва, без пауз и остановок.

ТындербЭй улдА замды

КолоржУс юлмАй холвАх

ЦапервУ гюльБА ерсЕц

ПапюрькЕ ынды ПюждЕц

КурултАй тюнБАм арнАк

ЧиркашИ бильдын бурхАк

ШубармУ овцЭк лямбУн

УкурМА жамшАн дукдУн

СарандАх ишак жазАн

ДыбалдАн урюк казАн

Бюранды малАш югОй

Кырдамир хамАл чурдОй...

Сидящие в зале курсанты мгновенно прекратили болтать и хихикать. Дремавшие украдкой сразу проснулись. Все удивленно замерли и уставились на сцену, широко раскрыв рты в крайней степени изумления.

Парни ожидали чего угодно, но только не этого. Со сцены

и из огромных динамиков, развешанных на стенах огромного зала, неслось неудержимое, эмоциональное, совершенно непривычное и абсолютно непонятное.

МугульмА сантА бабАй

ДурунбАй цывЭ торнАй

Абдульмек зирбАн ***нАк

ЖойболсАн чурИм кунАк...

Бесконечно долгие пятьдесят минут, которые показались вечностью, зал находился в состоянии шока. ТАКОГО выступления не ожидал никто. В клубе воцарилась гробовая тишина. После убогих и откровенно пресных выступлений предыдущих конкурсантов, этот номер производил неопишное и завораживающее впечатление.

А киргиз разошелся не на шутку. Его словно прорвало. Адиль эмоционально махал руками и притопывал ногами. Обильная слюна пенилась и летела из перекошенного рта прямо в первые ряды. Микрофон и колонки дребезжали и надрывно хрипели от дикого напряжения, передавая в зал энергетику языка незнакомого и непривычного для наших ушей. Адиль активно жестикулировал и жутко вращал вы-

пученными глазами. Он так широко открывал рот, что буквально едва не заглатывал микрофон.

Члены комсомольского актива после сорока минут изумленного бездействия начали постепенно приходить в себя и недоуменно посматривать на Конфоркина. Чувствуя неладное, вождь неуютно ерзал по стулу костлявым задом. Он временами оборачивался в зал, выискивая глазами группу поддержки неугомонного поэта.

Когда Адиль, наконец, выдохся и склонился в почтительно низком поклоне, коснувшись полусогнутыми пальцами поверхности сцены, я громко зааплодировал.

В гробовой тишине молчащего зала мои одинокие аплодисменты были как что-то нереальное и запредельное. Эдакий акустический раздражитель, который оказался за гранью адекватного понимания данной ситуации. Нонсенс!

Зал инстинктивно вздрогнул. Мои упрямые и громогласные аплодисменты били по ушам.

Остальные ребята из группы поддержки расселись в клубе так, чтобы своим присутствием охватить всю площадь огромного зала, не оставив бесконтрольных мест. И вот, поддерживая мои старания, в различных концах слушательской

аудитории начали раздаваться уверенные и настойчивые аплодисменты.

Некоторые курсанты из группы поддержки вскочили со своих мест и бурно аплодируя, засвистели в знак восхищения и одобрения. Витя Копыто истерично и восторженные закричал.

– Bravo! Bravo! Брависсимо! Бис! Bravo!

Непосвященные в заговор курсанты, ошарашено и недоуменно переглядывались. Некоторые крутили пальцем у виска. Восторженная и бурная реакция на тарабарские стихи была им абсолютно непонятна.

Затем под влиянием заразительного примера или стадного чувства (назовите как угодно), а может чисто ради хохмы, тут и там стали подниматься группы курсантов и зажигательно аплодировать. Зал постепенно, но уверенно утонул в дружных и длительных овациях.

Толпа курсантов, постепенно разогревшись, разошлась не на шутку. Заводя саму себя, курсантская масса редела и ликовала. В результате, зал начал организованно скандировать.

– Bravo! Бис! Bravo! Бис! Bravo! Бис! Bravo! Бис! Bravo!

Бис! Bravo! Бис!

Адиль сиял от счастья. Он беспрестанно кланялся и посылал в зал воздушные поцелуи. Это был несомненный успех!

Курсанты 1-го батальона поголовно включились в нашу авантюру и подхватили незамысловатую игру, имитируя искренний восторг.

– Bravo! Давай еще раз! С самого начала! ТындербЭй ул-ДА замДЫ! Гениально! Bravo! Абдульмек зирбАн ***нАк! Класс! Bravo! Бис! Bravo! Бис! Давай сначала!

Строевые офицеры, сидящие в первых рядах амфитеатра, непонимающе переглядывались. Они чувствовали себя «не в своей тарелке», чужими на этом празднике жизни.

Комсомольский актив и политработники тоже ничего не понимали, но видели поросячий восторг целой тысячи курсантов. И это было абсолютно непредсказуемо и необъяснимо. Такой бурной реакции зала на непонятную «абра-кадабру» никто из них не предполагал.

А представить себе, что тысяча курсантов, находящихся в зале, в совершенстве знает киргизский язык – это, согласитесь, полное сумасшествие. Тем не менее, зал бился в исте-

ричном экстазе. Рев и овации не смолкали.

Делать нечего, и представители офицерского лагеря, чтобы не выглядеть законченными идиотами и «белыми воронами» на фоне толпы, беснующейся в неконтролируемом восторге, нехотя поднялись со своих мест. Стоя, они приветствовали грандиозный успех самобытного поэта, делая вид, что понимают глубокий смысл и литературную красоту киргизских стихов.

Зал не утихал еще минут десять-пятнадцать. Ребятам неожиданно понравилось участвовать в незамысловатой игре.

Исключительно по настоятельному требованию курсантской братии, Адиль на бис озвучил пару десятков четверостиший из поэмы. Каждое встречалось очень тепло и восторженно, громом аплодисментов, криками одобрения и бурей оваций. Создавалось впечатление, что все курсанты досконально понимают слова автора. Наслаждаются каждой строчкой феноменальной поэмы.

Комсомолец Конфоркин гордо распушил хвост и с важным видом что-то самозабвенно комментировал толстым и красномордым полковникам из политотдела училища.

Концертный конкурс удался на славу! Адилья единогласно делегировали в агитбригаду, чтобы он смог осчастливить нетленным произведением обожаемых и дорогих нашему сердцу соседей – стратегов из ракетного и конвоиров из «помидорного» училищ.

Мы не могли отказать себе в удовольствии и не поделиться с ними самым дорогим и любимым, что у нас было – фундаментальной поэмой на киргизском языке. Причем, в исполнении первоисточника – из уст гениального автора.

– Теперь держитесь, дорогие краснопогонные друзья! Попали, так попали! Хе-хе!

Злорадному восторгу не было предела. Адиль получил путевку в большую жизнь.

Обалдевший от неожиданного и оглушительного успеха, опьяненный зрительской признательностью, стихоплет Адиль с новой силой и удвоенной энергией уселся за написание продолжения к поэме. Обладая колоссальной работоспособностью и неисчерпаемым потенциалом, киргиз довел длительность ее прочтения с жалких пятидесяти минут до неполных полутора часов.

Жаль, читатель не сможет увидеть выражение лиц у кур-

сантов и офицеров ракетного училища. А впоследствии и у ребят из училища внутренних войск, когда Адиль неожиданно обрадовал их своим приездом. Он однозначно и бесспорно поразил всех редкостным поэтическим талантом. И надолго остался в самых потаенных глубинах их мозга с незабываемыми строками нетленного и эпохального выступления.

А картина была неопишная. Особенно увлекательно было наблюдать, как у «помидоров» дружно вытянулись рожи, когда после полуторачасовой одухотворенной поэмы с обязательным эмоциональным притопыванием и произвольным слюнотечением автора и чтеца в одном лице, «наемные плакальщицы» в гнетущей тишине обалдевшего и откровенно недоумевающего зала, начинали дружно визжать от восторга, громко топя ногами. Они по-честному отработывали секретную договоренность, отбивая ладони в бурных овациях. И требовали повторить все заново на бис.

«Помидорам» ничего не оставалось делать, как тоже активно и старательно хлопать в ладоши вслед за нами. Ибо, долг вежливости – раз. А во-вторых, лучше добровольно похлопать минут десять и забыть обо всем. А то, не дай Бог, поэт обидится и завернет бесконечную песню повторно. С самого начала. А это уже более чем серьезно! Вторично выслушать Адилья в течение еще полутора часов это, я вам ска-

жу, пытка еще та! Не для слабонервных! За гранью гуманизма, не иначе!

Доведенные до полуобморочного состояния ракетчики-стратеги и конвоиры из внутренних войск остервенело хлопали в ладоши, не давая Адилю выступить на бис. При малейшей попытке поэта-самородка повторно подойти к микрофону и что-нибудь сказать, залы в «помидорных» училищах мгновенно взрывались и дружно заходились в бурных овациях.

Растроганный теплым приемом, Адиль купался в лучах заслуженной славы. Это был его звездный час. Он был искренне счастлив, что уже дорогого стоит.

Рядом неотступно следовал неугомонный комсомольский вожак Конфоркин. Он неустанно акцентировал внимание окружающих на том, что это именно он – Конфоркин, нашел литературную жемчужину в однообразной и безликой массе серой курсантской посредственности. А также лично создал все условия для раскрытия самобытного таланта замечательного киргизского поэта.

Конфоркин украдкой заглядывал в блокнотик и выразительно цитировал первоисточник.

– Нет, вы только послушайте. ЕбулдА манты пиндУ. Музыка, а не слог! А сколько эмоций?! Какая красота слов и экспрессия! Не правда ли! А рифма! Какая отточенная и выверенная рифма! Ууу, это гениально!

Адила единогласно выдвинули на конкурс талантов в военный округ. К большому сожалению, группа поддержки с ним не поехала. Не отпустило командование училища. И как следствие этого, в округе Адила не поняли. Не оценили киргизского акына и все тут. Он вылетел в еще отборочном круге.

По его возвращению в спальном помещении казармы состоялся обстоятельный и авторитетный «разбор полетов» с глубоким анализом причин краха.

– Адиль, не грусти, я тебя умоляю. Занюханное окружное жюри – неучи и бездарности! Сборище узколобых мракобесов и ретроградов. Они просто не готовы к размаху твоего грандиозного таланта. Чего ты от них хочешь, если эти полковники из округа в слове «рапорт» делают три ошибки. Они кроме Общевоинских Уставов никаких книжек никогда не читали. А ты – самородок! Тем более что пишешь на родном языке. Кто из окружных дятлов знает киргизский? Нет, ты скажи! Тогда я скажу. Слушай сюда, Адиль. Не им тебя судить! Не доросли деревянные деятели военных искусств до

такой глыбы, как ты. Поверь на слово. Чемберды копна елды! Это ж силища! Сколько эмоций! Плюнь на них и работай дальше. Настоящих великих поэтов частенько лишь потомки и почитают. А современники не замечали вовсе. Все зависть! Обычная человеческая зависть и серость. Идиоты! Они еще детям и внукам будут рассказывать, как нечаянно прикоснулись к прекрасному и великому. Но по личной убогости и бронелобой сущности не оценили этого. Не бери в голову. Будь выше них. Твори! Вот прямо сейчас иди и твори!

И Адиль творил дальше. На момент выпуска из училища его поэма доходила без малого до четырех часов непрерывной озвучки. Чувствуете размах?! Вот это шедевр! Глыба! Силища!

Очень жалею, что не имею копии нетленного творения. Нет, честно, не смейтесь!

Полуночные покатушки

(рассказ Лёлика)

Наряд по хозяйственным работам, овощной цех курсантской столовой. 00.30. ночи. Личный состав 45-го отделения чистит картошку. Норма – семь ванн. Самых обычных эмалированных ванн, которые есть в квартире у каждого... или почти у каждого.

Одни парни пессимистично утверждали, что этот подвиг невозможен по-определению. И установленная норма абсолютно нереальна. А придумать ее мог безумный прапорщик, люто ненавидящий всех, кто в далекой перспективе наденет офицерские погоны.

Оптимисты парировали, что если поднатужиться и быстренько отремонтировать две картофелечистящие машины, которые ржавели без движения уже не один десяток лет, поменьше говорить, побольше работать (оптимизировать, так сказать, процесс), то к утру вполне реально.

Уроженец славного города Пилопедрищенска Витя Копыто с апломбом в голосе утверждал, что может сотворить это один. Самолично. И что подобное ему совсем «не слабо».

Он готов на спор под любое желание и под достойное вознаграждение.

И тут заговорил Лелик Пономарев. Заговорил тихим спокойным голосом, не прекращая чистить картошку.

– Возвращалась как-то моя сестра домой после работы поздно вечером. А темнеет в Киеве рано, быстро и качественно. Раз – и уже ночь, как свет в комнате выключить. Сестренке года 22-23. Точно не помню, но где-то в этом районе. Короче, не столь важно. Важно другое. Летний вечер. Сестренка-красотка цокает каблучками по брусчатке. Звездное небо. Мало уличных фонарей. Красивейший город Киев, где один уютный парк переходит в другой – рай для влюбленных и романтиков. На улице, фактически, ни души. И вдруг из кромешной темноты украинской ночи прямо навстречу выходит красивый парень 28-30 лет с открытой белозубой улыбкой. Сестренка оторопела. Остановилась и чуть не закричала. Кричать, надо признаться, было от чего. Парень, сложенный как греческий бог Аполлон, загорелый с идеальной фигурой – мечта любой девчонки, был абсолютно голый. Руки он держал за спиной и стоял босиком на асфальте. Благо, в Киеве летом очень тепло. Стоял, гордо развернув плечи. Совершенно не стесняясь и не пытаясь скрыть обнаженное мужское достоинство.

– Здравствуйте, удачный вечерок, не правда ли?!

Его голос, по словам сестры, звучал словно музыка.

– Мммм... – попыталась ответить Лена. А в ее голове проносились возможные варианты развития событий. От самых кошмарных и неприемлемых, до более-менее «не очень».

– Вам куда? – вежливо поинтересовался молодой человек.

– На Березняковскую, – пролепетала сестренка, что являлось чистосердечной правдой.

– Будьте любезны, садитесь мне на спину. Я подвезу.

Улыбка не сходила с приятного лица ночного незнакомца.

«Наверное, в дурдоме день массового побега, а я новости по радио не слушала, только музыку», – подумала сестренка и попыталась вежливо отказаться.

Отказ не очень удивил голого доброжелателя. Не переставая улыбаться, он разомкнул руки за спиной, и Лена увидела холодный блеск лезвия ножа.

– Пожалуйста, садитесь. Мне нетрудно. Да, и по пути, – с

подкупающей настойчивостью предложил «Аполлон».

Учитывая убедительные аргументы в пользу неожиданной поездки, Лена, задрав модную узкую юбку, идеально облегающую крутые бедра, залезла на спину полуночному скакуну. Повесив дамскую сумочку себе на шею, Лена сцепила руки на мускулистой груди незнакомца. Тот, обхватив руками стройные ноги сестрички, поскакал по ночному Киеву.

В процессе скачки, парень периодически подпрыгивал и цокал языком в такт галопу.

Лена, умирая от страха, думала только об одном – как это действие смотрится со стороны. А действительно! По ночному городу, по нагретому за солнечный день асфальту, под романтичным звездным небом, по набережной Днепра несется удалой жеребец-красавец. Его хорошо развитые мышцы рельефно перекатываются под загорелой кожей. И такой красавчик гарцует абсолютно голый, шлепая босыми ногами по асфальту. Сюрреалистичная картинка, не так ли? Скачет не один, а с перепуганной девчонкой на спине, у которой юбка задрана до ажурных трусиков. А дамская сумочка, переброшенная через шею, подпрыгивает и бьет по рельефной попке строго в такт галопу. Бред!

– Какой подъезд? – прохрипел взмыленный «конь», при-

ближаясь к нужному дому и тяжело переводя дыхание.

Путь был неблизкий, а сестренка – лакомый кусочек, поймайте правильно. Кровь с молоком, настоящая хохлушка. Возьмешь в руки – маешь вещь! Короче, заморился коник.

– Третий, – пролепетала испуганная наездница.

Скакун послушно прогарцевал до парадной двери, где аккуратно ссадил на ступеньки ошалевшего «жокея». Затем вежливо и церемонно поклонился. Галантно поцеловал руку и убежал в темноту ночи. Только пятки сверкнули.

«Наверное, это я сошла с ума», – подумала Лена. Не дожидаясь лифта, перескакивая через три ступеньки, она взбежала на свой этаж. Забыв про ключи от квартиры в сумочке, сестренка нажала на кнопку звонка.

Кнопку звонка Лена держала не просто долго, а очень долго. Ну, короче, пока я не втащил ее в квартиру. Маме сразу поплохело! А вы что хотели?! Сестренка – обалденная красавица, ухажёры толпами крутились. М-да.

Некоторое время ушло на то, чтобы Лена перестала рыдать, выпила три-четыре стакана воды и два-три пузырька валерьянки. Мама, кстати, выпила все в тройной дозе. Пой-

мите правильно, другие весовые категории.

Немного успокоившись, сестренка рассказала о происшедшем. Маме немного полегчало. Папа перестал искать в кладовке ржавое охотничье ружье. А я побежал во двор, надеясь тоже верхом покататься перед сном грядущим. Говорят, очень полезно для моциона на ночь верховой ездой позаниматься. Надо будет попробовать при случае.

Пока я выскочил на улицу конь ретивый – полуночный Сивка-Бурка уже ускакал. Жаль, конечно. Хотел я из него мерина сделать. Просто руки чесались, мама не горюй. Как вы знаете, я – КМС по боксу и КМС по гребле на каноэ. Так что здоровьица, слава Богу и спасибо родителям, а так же тренерам, не занимать. Удар справа хорошо поставлен. Голозадого мустанга объездил бы в лучшем виде.

Хотя, нет худа без добра! Сестренка наотрез отказалась работать в вечернюю смену, пока отец не отдал мне... О боже, благослови того «коня» и все коневодство в целом... ключи от «копейки»! И я с превеликим энтузиазмом возил Ленку темными вечерами с работы, мысленно благодаря судьбу за посланника небес, благодаря которому полгода наслаждался за рулем персонального автомобиля.

Личный авторитет и популярность, дети мои, особенно

среди особей женского пола, напрямую зависят от возможности набить друзей и девчат в старое корыто, способное самостоятельно передвигаться. Причем, не только под горку, хе-хе.

Но счастье не бывает вечным. Страхи сестры улетучились прямо пропорционально моим опозданиям к проходной в ее конторе. Нет, а чего она хотела?! У кого в восемнадцать лет была личная машина? Столько надо успеть! Везде надо присутствовать, засветиться. Ну, опаздывал я... иногда. Бывало. Врать не стану. Но не каждый же день.

Короче, все встало на свои места. Машина в гараж, а я стал пешеходом. Все потому, что сестра быстренько вышла замуж. И забирать ее с работы стал законный муж. Такие дела...

Лелик на некоторое время замолчал, набирая в бачок картошку и отодвигая ногами огромную гору очистков, образовавшуюся за время рассказа. Ребята заслушались и перестали чистить овощи, пытаясь уловить высокую философию повествования.

Вытерев грязный нож о не менее грязную штанину ХБшного галифе и, оглядев заинтересованные лица парней, Лелик продолжил.

– Самое странное, что объяснение причин ночного заезда сестренка все-таки получила. И что характерно, непосредственно от самой «лошади». Киев, знаете ли, светский город. И в нем есть такое достижение инженерно-транспортной мысли, как метро. Во как! Однажды Лена ездила в Гидропарк – место такое в городе с одноименным названием станции метро. И на обратном пути, читая книжицу, почувствовала чей-то пристальный взгляд. Отрывает глаза от лямурной муры и видит как на нее смотрит, при этом приветливо улыбаясь, кто бы вы думали? Правильно! Ночной жеребец!

Лелик сделал паузу, выбирая картошку побольше, чтобы чистить поменьше.

– Неужели опять голый? – в наступившей тишине овощного цеха подал голос Витя Копыто.

Выждав пока ребята вдоволь насмеются, Пономарев продолжил.

– Дурень! Кто же его голого в метро-то пустит? Откуда он денежку для проезда доставать будет? Опять же, день на дворе. А этот скакун, похоже, лишь при луне оголяется. Хорошо, хоть мехом не обрастает, оборотень парнокопытный.

Слушай сюда. На этот раз парень был одет очень даже прилично. Весь «в фирме» с ног до головы. Джинса там, батник, кроссы и прочее. Подходит он к сестренке, наклоняется. Та думает, он опять покататься предложит. Перепугалась, жуть! Уже зажмурилась и милицию звать приготовилась. А может, санитаров из «дурки»?! Точно не скажу, да и сама Ленка сейчас не вспомнит. Но, по словам ее, услышала ангельский голос, которым конь тот ретивый вещал на полуночных скачках: «Мол, здравствуйте девушка. Я вижу, вы меня узнали, и я вас узнал. Вы не подумайте чего, с головушкой у меня всё в полном порядке. Мы тогда в картишки не слабо поиграли. Вот и получил я ставку – голяком, ночью девчонку какую-нибудь до ее дома галопом доставить. А ребята за нами на машине ехали и ржали как настоящие лошади. Вы их с перепугу не заметили».

Поцеловал ей руку и на следующей станции вышел. Мораль сей басни такова – не фиг в азартные игры на «слабо» играть, себе дороже будет.

Лелик Пономарев с ехидной улыбкой посмотрел на Витю и шуточно рявкнул.

– Копыто, не стой раззявя рот! Картошку чисти шустрее, пока ставку за семь ванн не придумали – голяком по училищному плацу маршировать! Тогда, точно в «дурку» забе-

рут. Тебе там давно самое место.

Тотальное планирование

«Разведка» донесла, что послезавтра, неожиданно и без разрыва дипломатических отношений, то есть коварно, ровно в четыре часа утра (вот почему, именно в четыре утра?! ...почему им десять утра не подходит?!), «войска всех империалистических стран мира», нападут на краснознаменное, орденосное, образцовое во всех отношениях военное училище.

Это «ВОЙНА»! Но мы не спим. Мы на посту! Мы все как один! Мы так легко не сдадимся. Отстоим! Не посрамим...

Разведчик Витя Копыто подслушал разговор офицеров в курилке.

– Учебный год на исходе, а тактические учения по плану не закрыты.

А план – это, понимаешь, план!

План рождается в муках. Обсуждается длительно во всех инстанциях. Утверждается у вышестоящего начальства. Все очень даже непросто!

Далее, на каждый план пишется план выполнения пла-

на с обязательным подробным описанием всех выполненных мероприятий по обеспечению выполнения каждого пункта первоначального плана.

Если появляются замечания, выявляются недоработки и недостатки в процессе выполнения плана, то незамедлительно составляется план устранения этих замечаний и недоработок. Которые вносятся в очередной план. Который в свою очередь дополняет и корректирует первоначальный глобальный план. И так без конца и края.

Один план переходит в другой, дополняя, оптимизируя и конкретизируя его. Мероприятия годового плана переходят в квартальный. Квартальный – в месячный. Месячный – в декадный или в еженедельный. Еженедельный – в ежедневный. Ежедневный – в почасовой.

А еще есть и календарный план, который со всеми вышеперечисленными планами не имеет ничего общего и т.д. и т.п.

Самое главное, что все последующие планы должны быть лучше, насыщеннее и совершенней предыдущих. Поэтому, учитывая бесконечный процесс постоянной эволюции и прогрессии, неизбежно наступает момент, когда очередной план трансформируется в законченное уродство. Абсолютно

нереальное и невозможное к исполнению. Неосуществимое даже с авральным привлечением всех ресурсов и мобилизацией героических усилий.

А за выполнение плана спрашивают. Ой, как больно спрашивают! Поэтому искусство написания планов, внесения в них корректив, отметок о выполнении и устранении замечаний, перенос невыполненных мероприятий (причем, исключительно по абсолютно «объективным» причинам) в следующий план – это, я вам скажу, мастерство запредельное и доступное не каждому гению военной мысли. Этому надо в академиях учиться. Лучше даже и не в одной, но это уже отдельная история.

Автозалет

Итак, в спальном помещении казармы 4-й роты лихорадочно собран «филиал государственного военного совета» – четыре курсанта второго курса обучения.

Цель: игнорировать предстоящие учения по причине их частого проведения. Просто надоели, обрыдли до невозможности!

Задача: попасть в наряд по роте.

Способ выполнения: наглый залет. Вернее, автозалет.

Исполнение: лежание на кровати в дневное время на глазах у офицерского состава, что категорически запрещено.

Повестка утверждена. Регламент выполнен. План разработан. Все проголосовали единогласно. Осталось осуществить. Витя Копыто выслушав подробности и предложения, восторженно промолвил.

– Это генитально!

Не судите строго, парень немного гундосил. При этом,

одновременно, еще и шепелявил, доставляя окружающим неопишное удовольствие. А из его уст непроизвольно рождались замечательные реплики, зачастую переходящие в «крылатые».

Лелик Пономарев чмыкнул и поправил Витю.

– Конечно, гениально, кто бы сомневался?! А генитально, Витя, это там, где ты постоянно чешешься.

Глумиться над Витей было некогда, надо было срочно выполнять гениальное решение «военного мини-совета». И четыре наглых курсантских тела на глазах у командира роты синхронно приняли горизонтальное положение в койках... прямо в сапогах.

Обалдевший от вопиющего безобразия и законченной наглости курсантов (почти военный мятеж и попрание устоев воинской дисциплины), капитан Хорошевский тупил ровно одну миллисекунду.

Уже через вторую секунду (в армии все наказания личного состава происходят быстро, очень быстро или стремительно), мы стояли в кабинете ротного командира по стойке «смирно» и слушали познавательный курс лекций по географии. В процессе которого по достоинству оценили бес-

крайние просторы необъятной родины с обилием незнакомых названий возможных мест нашей дальнейшей службы. И то лишь при условии, если нам удастся искупить свою вину. Слава Богу, не кровью.

Так как запланированный результат был достигнут почти мгновенно, наши четыре курсантские глотки дружно рывкнули.

– Готовы понести любое заслуженное наказание!

Увидев групповую покорность, командир роты несколько смягчился. И уже назидательным тоном продолжил вещать, что нам может быть позволят благополучно закончить обучение в, буквально, признанном во всем научном мире, учебном заведении... Да-да, оказывается, нам несказанно повезло обучаться в кладезе стратегической военной мысли на уровне таких авторитетных монстров, как Кембридж и Оксфорд, Гарвард и Сорбонна, МГУ и Бауманка. Как выяснилось из просветительской лекции капитана Хорошевского, нам выпала великая честь учиться в остродефицитном месте, по сравнению с которым, Вест Пойнт и Колорадо Спрингс – жалкие интернаты для дебилов и олигофренов деградирующего американского генофонда. Вот оно как?! Обалдеть! А мы и не догадывались.

Через пару минут красноречие ротного иссякло. Лекция закончилась. Состав наряда был оглашен. И мы отправились готовиться к суровым будням несения суточного дежурства.

Ода колючей проволоке

Через день, ровно в четыре часа утра – пунктуальность врага заслуживает особого уважения и искренней признательности, рота была поднята по тревоге, вооружилась и убежала в ночь для поддержки дружеских соединений 1-го батальона. А наряд, естественно, остался охранять вверенное имущество. То есть казарму, тумбочку дневального, пустую оружейку и самих себя, любимых.

Грамотное решение? Да, несомненно! Поймите правильно, уже набегались по тревогам вдоволь и если появился реальный шанс «наступить на гофрированный шланг» или «закоротить на массу», то не воспользоваться им – грех.

Пока за колючей проволокой, что неприступными рядами опутывала альма-матер шли «кровопролитные» бои...

Кстати, о колючке! Такое количество колючей проволоки по периметру, наверное, все же оправдано. Чтобы всякое быдло с «гражданки» не смогло пробраться через забор военного училища и, затесавшись в курсанты, овладеть суперсекретными знаниями, во как!

А может, наоборот! Чтобы мы, овладевшие этими самыми суперсекретными знаниями, не сбежали из военного училища и не вкусили развратной отравы «гражданки». Ведь далеко не каждый способен осознать свое счастье.

К такому «счастью» надо привыкать долго. Иногда десятилетиями. Фактически, до выхода на пенсию. И лучше в отдаленных гарнизонах, чтобы сравнить не с чем. Чтобы до ближайшей цивилизации три часа на вертолете или две недели на оленях. Чтобы посвятить себя всего без остатка служению великой цели. Пока эта цель присутствует, конечно. А потом уже как получится.

Выбирайся из скотских мест сам. По мере сил и возможностей. Только в колючке не запутайся. А то так и останешься там... на веки вечные.

Легкой жизни никто не обещал. Тяготы, знаете ли, лишения всякие... даже в тексте Военной Присяги специально и заблаговременно прописаны. Чтоб повода для качания прав не возникало. Даже теоретических. Всегда можно носом ткнуть. Любого. Подпись под текстом Присяги твоя? Сам ставил? Без принуждения? То-то! А кому сейчас легко?! Простите, отвлекся.

Туалет

Пока шли «ожесточенные боевые действия», наш наряд искренне переживал за товарищей. А как не переживать?! Не звери же какие, на их месте сами бывали.

По вялым крикам «Ура!», периодически приносимым уральским ветром на территорию училища с «военных полей», напрашивался вывод, что силы обеих сторон давно на пределе.

Курсантская столовая сиротливо пустовала. А сухпай, отправленный для прокорма бойцов на передовую, имел маркировку гораздо более древнюю, чем даты нашего рождения.

Те несколько дней, что народ воевал, его кормили всякой дрянью из консервных банок образца нашествия Чингизхана на Русь. Причем, содержимое консервов составляли павшие в боях кони. Да еще вместе со сбруей, амуницией и самими наездниками. Кроме шуток, абсолютно несъедобная и отвратная мешанина.

Справить естественные надобности в чистом поле под ураганным огнем противника удавалось далеко не всегда. Народ терпел, а куда денешься. Терпение – вообще отличии-

тельная черта русского солдата.

Поэтому каждый курсант мечтал после учений оказаться под крышей родной казармы, где было два автономных туалета с пятью «очками» в каждом и холодная вода: для измотанного человека – настоящий рай.

Переступив порог казармы и, не успев толком раздеться и сдать оружие, полторы сотни личного состава роты метнулись наперегонки занимать свободные очки.

Как упоминалось выше, содержимое складов НЗ за время учений планомерно перекечевало вовнутрь защитников Родины. Гадость конечно, но голод – не тетка. Там оно частично переварилось. Молодость берет свое – нас так просто не отравишь! И личный состав, все как один, бесконечной вереницей суетливых муравьев дружно бросились в туалеты. Страждущие подгоняли облегчившихся. Очередь двигалась споро. Импровизированный конвейер работал слаженно и четко, радуя глаз своей функциональностью и дисциплиной, пока Витя Копыто не принес страшную весть.

– Дальний туалет засрали! Воды в бачках нет, а они гадят и гадят! Не могли на улице под кустиком, да с лопушком. Комфорт им подавай, эстеты сратые, сибариты вонючие! Надо «стартер» искать, очки пробивать.

Дежурный по роте, курсант Филин принес еще более угрожающую новость.

– Эти... муданзяны... разворовали все подшивки газет из «ленинской комнаты».

Старшее поколение меня поняло. Мемуары вождя мирового пролетариата, а так же все своевременные постановления мудрой партии и заботливого правительства пошли на гигиеническое обслуживание уставших бойцов.

Учитывая, что туалетной бумаги в армии никогда не было, нет и не будет, использование для благой цели нетленное наследие великого Ленина и общепризнанных классиков теоритического коммунизма – однозначно ЧП политического масштаба. Потеря периодической печати типа: «Правда», «Красная звезда», «Политический вестник», «Трезвость и культура» равносильна измене Родине – *здец, приехали!

При таком раскладе в наряде можно было провести оставшуюся жизнь и состариться вплоть до увольнения в запас через двадцать пять лет безупречной службы. Однако нерадостная перспектива.

В очках фекальные массы прочно спрессовались с иде-

ями марксизма-ленинизма и сантехническая система казармы прекратила функционировать. Наступил сантехнический коллапс.

Надо было срочно спасти положение. Пока курсант Филин искал «стартёр», Витя и Лёлик оттесняли негодующую толпу страждущих от забитого туалета. А я, используя силушку – спасибо папе с мамой, толстенной проволокой заматывал ушки замка в двери туалета.

Рокот возмущения и недовольства докатился до канцелярии роты. Двери открылись, вышел командир 4-й роты Володя Нахрен. Естественно, фамилия была абсолютно другая – Хорошевский, но она ему так не подходила, как Нахрен. Ну не отражала родная фамилия сущность человека и все тут. Почему именно Нахрен?! Да потому что при каждом удобном случае и при отсутствии оно, капитан Хорошевский регулярно использовал словосочетание: «на хрен».

Тонем утомленного интеллигента капитан брезгливо поинтересовался.

– Ну что за шум, на хрен?!

Выслушав многочисленные претензии по поводу закрытия туалета, ротный решил выступить в роли поборника

справедливости. Так сказать, выступить в роли отца родного. И выступил.

Будучи застуканным с проволокой в руках у закрытой двери туалета, я получил команду.

– Открывай, на хрен!

Получил – выполнил. Спорить с командиром в армии не принято. Не прижилось в армии вольнодумие как-то вот...

Хорошевский зашел в туалет, осмотрелся. То, что увидел, ему явно не понравилось.

Казарма была старая, ее еще пленные немцы строили. Тогда лучше пленных фашистов строителей не было. 4-я рота располагалась на втором этаже трехэтажного здания. Потолки в пять метров высотой, своды и арки, как в тевтонских замках. А в туалетах полы из полированного мрамора!

Выйдя из туалета, капитан ласково позвал дежурного по роте.

– Филин! Ау!

Курсант Филин появился словно из ниоткуда.

– Да, товарищ капитан!

Одухотворенным видом Сергей показывал полную готовность выполнить любой приказ командира. Более того, он уже предпринял все возможные и невозможные усилия для выполнения тех распоряжений ротного, о которых сам офицер еще только собирался сообщить подчиненному. Но обстоятельства были сильнее и, поэтому Филин беспомощно всплеснул руками

– «Стартёра» нигде нет, все обыскал. Разрешите к дежурным слесарям сбегать?!

Капитан посмотрел на курсанта Филина глазами умудренного воина и небрежно промолвил.

– За мной.

Крепкий уральский парень послушно засеменял за командиром. Через пару минут они вернулись. Филин принес два «блина» для штанги по 25 кг. каждый. Негодующая толпа курсантов удивленно притихла, так как события начинали развиваться несколько нетипично. Как прочистить забитые очки таким спортивным инвентарем, как штанга никто не знал. А учиться, согласитесь, никогда не поздно.

На правах дневального, я заглянул в туалет и увидел как Нахрен подошел к технологическому отверстию канализационной системы. На секунду задумался, сунул руку в карман галифе и вытащил... взрывпакет. Капитан поджег шнур. Аккуратно опустил взрывпакет в технологическое отверстие. Накрыл его ведром, благо, оно стояло рядом. Сверху на ведро положил один на другой два «блина» от штанги, что принес курсант Филин. А сверху на «блины» поставил самого курсанта Филина... и поспешно вышел из туалета.

Прогремел взрыв!

Усиленный в замкнутом пространстве системы канализации, эффект был потрясающий. Филин, оправдывая фамилию, происходящую от названия ночной хищной птицы, широко округлив удивленные глаза до размера суповых тарелок, подлетел к потолку вместе «блинами» от штанги и разорванным в клочья ведром. «Как мячики у жонглера в цирке» – почему-то подумалось мне.

Словно праздничные орудия, пять очков залпом салютовали специфическим содержимым, а на потолке коричневыми разводами отразилось фекальное месиво из канализационной системы. Чугунные очки, не выдержав гидроудара, сорвались с цементной подушки. Одно очко расколосось. Ка-

фельная плитка вокруг очек вспучилась.

Система канализации казармы была разрушена до основания. Циркуляция сточных вод нарушилась. На мраморный пол туалета, бурля и пузырясь, ринулся зловонный поток из туалета наших соседей сверху – 16-й роты.

Не желая быть подопытным участником взрывотехнических экспериментов, Филин благоразумно затерялся в толпе зрителей. Его форма, некогда однотонной расцветки хаки, приобрела камуфлированную окраску с пятнами коричневого колера.

Словоохотливый Витя Копыто, просунув вездесущую белообрысую голову в дверной проем раскуроченного туалета, смог выдать лишь одно слово.

– Зае-Beetles.

Нахрен угрюмо взирал на результат своих глубокообдуманных действий. Долго бы он так стоял в состоянии ступора, если бы не визит командира, расположенной под нами, 5-й роты. Подпольная кличка – Череп. Объяснять не имеет смысла, говорит сама за себя.

– Володя! Володя!

Хорошевский очнулся от столбняка и вышел из туалета в коридор.

– Володя, что случилось?

По безумным глазам Черепа капитан Нахрен понял, что случилось что-то страшное, и предпочел ответить нейтрально, равнодушно пожав плечами.

– Не знаю, а что?

– Володя, ты понимаешь... ко мне в кабинет приходит мой курсант ВЕСЬ В ДЕРЬМЕ!!! И рассказывает страшные вещи!

Нахрен сделал искренний вид, что крайне удивлен этим неожиданным событием. Изобразив на офицерском лице живой интерес, капитан Хорошевский с показным участием взял крайне возбужденного Черепа под руку, пытаясь увести подальше от туалета. Но командир 5-й роты, буквально выпрыгивая из галифе, возбужденно продолжал.

– Так вот, прибегает курсант! Ну, ВЕСЬ...! Понимаешь, просто весь в этом самом... Ну, ты понимаешь! И говорит, что мирно сидел на очке. Никого не трогал. Газетку читал

при этом, мундеркинд хренов. И в самый ответственный момент что-то сдетонировало... И прямо из очка в него ударил этот... Ну, словно гейзер! Пацану чуть яйца не оторвало!

– Так оторвало или нет?

С почерневшим лицом спросил Нахрен.

– Нет, не оторвало, но он весь, ты понимаешь... буквально весь с ног до головы конкретно в натуральном ГОВНЕ!!!

Капитан облегченно вздохнул и уже заметно повеселевший продолжил «держат оборону».

– Да не знаю я ничего! У меня в роте все в порядке! Пошли, посмотрим.

И как радушный хозяин распахнул двери туалета, пропускающая вперед дорогого гостя.

Пока шла эта животрепещущая беседа, содержимое канализационных труб от третьего до второго этажа казармы вытекло на мраморный пол туалета, образцово отполированный гитлеровскими гастарбайтерами и, покрыло его абсолютно ровным слоем.

Майор Череп, продолжая что-то эмоционально рассказывать и не глядя под ноги, сделал шаг вперед. Его сапог попал однородную массу фекальной консистенцией, сыгравшей роль идеальной смазки... Сцепление с полом мгновенно исчезло. Вторая нога командира 5-й роты взлетела выше первой. «Ему только в кордебалете выступать», – почему-то пронеслось у меня в голове в тот незабываемый момент.

В результате немислимых акробатических кульбитов, равновесие майора нарушилось. Отчаянно балансируя руками и тщетно пытаясь уцепиться за Нахрена, дорогой гость упал на спину плашмя. Майор Череп смачно плюхнувшись в однородное месиво и подчиняясь законам инерции, проскользил через весь туалет от порога до окна, вдоль пяти раскрытых кабинок с вывороченными очками.

Раскинутые в разные стороны руки хоть и сыграли роль импровизированного якоря, щедро загребая фекальные массы, но в данном случае оказались малоэффективны.

Комментарии излишни, хваленая «Полицейская академия» во всех многочисленных частях и сериях банально отдыхает.

Рас-пись-ные узоры

Пока разрушенный туалет стоял «бермудской» территорией и зловонной «зоной призраков», в дальний коридор казармы никто из ребят старался не заходить. Мало ли?!

Там было неуютно и дурно пахло. К тому же, открывать дверь, туго закрученную толстенной проволокой, было «чревато». Откроешь, тебя же и заставят ремонтировать. Ну, уж нет! Спасибо за доверие конечно, но в дураки не нанимался. В сантехнике ничего не понимаю, честно! И от одного вида фекалий, повсеместно висящих на стенах и периодически капающих с потолка, становится дурно! Могу даже потерять остатки сознания. Точно-точно.

В таких декорациях хорошо фильм ужасов снимать. Честно говоря, в незабвенные времена развитого социализма о существовании подобных фильмов еще и не догадывались, но туалет 4-й роты представлял идеальную картину для какого-нибудь блокбастера с кошмарным сюжетом. Состояние разгромленного туалета было отвратное и зловещее, поверьте на слово.

В принципе, ребята постепенно приняхались и перестали брезгливо воротить носы. Периодически одеколон в спаль-

ном помещении разбрызгивали, окна в дальнем коридоре открывали. Да и в спальном помещении казармы тоже. До самой глубокой осени с открытыми окнами и проспали. Зимой, правда, пришлось все окна закрыть и заклеить. Морозы, холод и все такое... Короче, терпимо, протянули почти полгода. А куда деваться?!

Но главная проблема была не в этом. Справлять естественные надобности где? По всем строительным документам, поэтажным планам здания и подробным описям всевозможного имущества казармы, второй туалет в 4-й роте числится. А в наличии его фактически нет. То есть, он вроде как бы по документам есть. И соответствующее помещение под него в перечне помещений второго этажа казармы отведено. И по актам приемо-сдачи проходит. Но реально... его нет!

Ведь как можно назвать помещение полноценным туалетом, если его невозможно использовать по прямому назначению. Без противогАЗа и ОЗК вообще лучше не соваться. А чего вы хотели? Окна в туалете не откроешь, чтобы хоть чуть-чуть проветрить. До них надо вплавь добираться, так как на полу раскинулось «море широкое». А извращенцев и умалишенных в 4-й роте нет и никогда не было. Патологических дураков еще на вступительных экзаменах психо-физическая лаборатория безжалостно отсекала. Стоп!

Хотя все-таки вру, был один! Почему был? Есть! И даже в наличии. Офицер, куда деваться?! Незабвенный командир 4-й роты целый капитан – Володя Нахрен собственной персоной! Это же именно он додумался взрывпакет в технологическое отверстие канализационной системы бросить!

В свое время курсант Хорошевский, не будучи еще капитаном Нахреном, как раз в нашей 4-й роте и обучался. Точно-точно! Наверное, именно тогда, еще с курсантских времен, ушастый и налысо подстриженный первокурсник Вова Хорошевский вынашивал сокровенную мечту и дерзновенную идею мгновенной прочистки забитых очек. Причем, гарантированно!

Так и стоит перед глазами душещипательная картина: «темная ночь, огромная казарма забылась тревожным сном, а юный Володенька Хорошевский, закатав рукава гимнастерки, отчаянно крутит ручку «стартера», старательно пробивая «вусмерть» закоксованное очко в дальнем туалете». Не иначе, именно в бессонные ночи в его «гениальную» головешку и поселилась мечта-червячок о том, как бы максимально облегчить и радикально ускорить отвратную процедуру прочистки. Реализовать дерзновенную мечту курсант Хорошевский смог спустя много лет, будучи могущественным и ужасным капитаном Нахреным! Вот оно как оказывается?! Вот оно как! Наверное, так и рождаются легенды.

Интересно, в те стародавние времена ПФЛ уже функционировала или Володя Хорошевский «фантастически-гениальным» уже потом стал, после выпуска из военного училища? В тот самый момент когда офицерские погоны на плечи примерил?! Вопросец, однако. Недаром по училищу среди курсантов весьма прилипчивая присказка гуляет: «Чем я ближе к портупее , тем тупее и тупее!» Неужели, закономерность? Не дай Бог! Очень не хотелось бы...

Но не было худа без добра. Ходить дневальным в суточный наряд по роте в третью смену стало одно удовольствие. Еще бы. Проторчал на «тумбочке» положенное время, быстренько подмел в дальнем коридоре – пыль разогнал по углам. Полы помыл – грязной тряпкой поелозил для вида. Все равно никто не проверит, побрезгуют офицеры в вонючий коридор пройти-прогуляться. А к железной двери с хаотично намотанным клубком ржавой проволоки на замочных ушках лучше не приближаться.

Ну ее, эту дверь. Неизвестно, что за ней делается. А если стадо фекальных мутантов расплодилось?! Повылезала всякая нечисть из разрушенной канализации и поджидает темными ночами за железной дверью наивную жертву. Вдруг кто и зайдет. От нечего делать заглянет. А его сразу цап-царап и утащат в канализационный коллектор. УУууу! Страшно?

По ночам, когда курсанты мирно посапывали в коечках, в дальний коридор вообще старались не заходить. А чего там делать? Территория заброшенная и запущенная. Дикая, одним словом! Ну ее в пень... Тьфу-тьфу-тьфу через левое плечо ...и по дереву постучать.

Из-за того, что в 4-й роте на 144 полноценно-функционирующие курсантские тушки остался лишь один нормальный туалет с пятью исправными очками, то все свободное время курсантов уходило на бесконечное стояние в длиннющей очереди с одной-единственной целью облегчиться. Остальные страждущие стояли, буквально, над душой за дверью кабинки и нетерпеливо вздыхали, повсеместно подгоняя. Новая мода появилась – сходить по-маленькому «дуэтом» – один стоит широко расставив ноги непосредственно над очком, а второй стоит сзади и направляет свою струю аккуратно между ног первого! Идиотизм, помноженный на безысходность. Ситуация не для слабонервных, честно говоря. И к тому же дурацкая, хоть стой, хоть падай!

С процедурой «отхода ко сну» тоже стало весьма проблематично. После вечерней поверки и оглашения команды: «Отбой» личный состав 4-й роты уже не летел стремглав в койки, сметая все на своем пути, стремясь уложиться в пресловутые 45 секунд. А вальяжно прогуливался по казарме,

ожидая очереди пока освободиться ближайшее «очко». В результате, после команды «Отбой», поправ требования строго Устава и Распорядка дня, утвержденного лично генералом начальником училища, курсанты на полузаконных основаниях хаотично шарахались еще часа полтора, два, три...

Попутно заваривался чай. Кое-где в кубриках слушалось радио. Иногда «самопроизвольно» включался телевизор и т.д. и т.п. Дисциплина катастрофически падала. Офицеры 4-й роты тоже не могли уйти домой пока не уложат весь личный состав в горизонталь баиньки.

Дежурный офицер, вынужденный ожидать, пока курсанты «не нагуляются», покидал казарму глубоко за полночь. А с утра «ни свет, ни заря» ему надлежало снова прибывать в училище с благой целью поднять личный состав роты на зарядку. Вследствие «нешадного режима работы» наши офицеры, банально, не высыпались, были безмерно раздражительны и еле таскали ноги.

Так случилось, что лейтенант Зайчик неожиданно приболел, лейтенант Чубрей в очередной раз сидел на гауптвахте, не рассчитав длину и остроту личного языка при разговоре с Пиночетом, а лейтенант Гвоздев уехал в отпуск по семенным обстоятельствам и в казарме остался один капитан Хорошевский.

Командир роты с воспаленными глазами кролика-альбиноса, как будто в них засыпали коктейль из песка с битым стеклом, календарную неделю «отбивал» и «поднимал» роту в гордом одиночестве, как проклятый. Он фактически, уже спал на ходу. Если капитан Хорошевский и добирался до дома то, наверное, только для того чтобы попить водички и сразу же бежать обратно на службу. Бедолага! Жаль, конечно, а куда деваться?!

И вот однажды после ужина, дабы сэкономить время на туалет после вечерней поверки, Нахрен вывел роту на традиционную «вечернюю прогулку» (есть такая беда: при любой погоде шараться строем полчаса по улице перед сном – типа полезно и все такое, чаще – с песней).

Зима. Мороз -30. Звездное небо. Под ногами задорно хрустит свежий снежок. Идем в ногу, естественно, гуляем, типа, дышим свежим воздухом на сон грядущий. Моцион, куда деваться?! Спасибо, хоть песни не поем. Холодно очень, можно горло «на раз» посадить. Офицер бредет рядом, периодически тоскливо поглядывая на часы.

Отведя роту за столовую, капитан воровато оглянулся и дал неожиданную команду.

– Справить естественные надобности!

В замершем от удивления строе никто из 144-х курсантов даже не пошевелился. Уж, не прислышалось ли? Что за бред!

Во-первых: зима на дворе, северный ветер, жутко холодно. Во-вторых: на улице как-то неудобно. В-третьих: останутся характерные следы. Утром будет стыдно перед преподавателями. Особенно стыдно перед женщинами, которые ходят мимо столовой на кафедру «Войскового ремонта». В училище немало гражданского персонала женского пола на общеобразовательных кафедрах, столовая, библиотека, штаб и прочее.

Опять же, с четвертого этажа главного корпуса, где расположена кафедра «Иностранных языков» и основной контингент опять же, женщины, будет видно... Библиотека рядом, секретка... Нет, капитан, плохая мысль однозначно!

Нахрен был неумолим и ничего не хотел слушать. Он раздражено забубнил, временами срываясь на противный визг.

– Никакие отговорки не принимаются. Всем по*сать здесь! Немедленно! Я что, с вами жить в казарме обязан, да?! Я домой хочу! К жене, к детям... Я соскучился, в конце концов...

Капитан смахнул набежавшую слезу. Взяв себя в руки, опять заревел, словно поднятый из берлоги медведь. Поднятый посреди зимы, естественно.

– В казарме после команды «отбой», чтобы ни одного ша-
рахающегося тела! Понятно? Кто встанет с кровати в туалет,
пусть сразу занимает место на «тумбочку». Пять нарядов вне
очереди! Все слышали? Рота, слушай мою команду! Первая
шеренга, пять шагов вперед, шаааа-гом марш!

Делать нечего, как в дурном анекдоте: «Айн, цвай, драй,
пись-пись-пись!..» первая шеренга вышла из строя и прибли-
зившись к белоснежному сугробу в виде бесконечного па-
раллелепипеда с идеальной гранью, об которую можно было
обрезаться. Парни с грехом пополам справили малые нужды.

В уральской ночи под светом подслеповатых фонарей на
ослепительно белом снегу сразу же проявились и живопис-
но обозначились характерные желтые воронки, с окаемками
расплавленного снега.

Дальше, больше. Курсанты из последующих шеренг, осо-
знав, что «делать нечего, гуляй рванина», стали поголовно
глумиться, выписывая на белом бордюре всевозможные ви-
тиеватые вензеля и достаточно протяженные узоры!

Не судите строго. Пожалуйста. Это не мы такие. Это нас так подставили! Капитану Хорошеву в тот момент все было «пофиг». Его мозг от хронической усталости дал отсечку. Офицер нетерпеливо поглядывал на часы. Ему очень хотелось домой. Любой ценой.

Из глубин строя раздался гундосый голос Копыто с наивно-провокационным вопросом.

– А пока*ать здесь можно?

Нахрен скрипнул зубами и, передразнивая спросившего, раздраженно пробурчал, театрально кривляясь.

– Нет! Еще чего. Только в роте, а то примерзнешь к асфальту, придется ломом отковыривать! Вам все по-нят-но, кур-сант Ко-пы-то?

Толпа в 144 «потенциально бессовестных рыла» разошлась не на шутку и расписала почти все сугробы на дороге от столовой до учебного корпуса. Поймите правильно, в среде молодых и безбашенных разгильдяев всегда найдутся творческие и талантливые натуры. И процесс пошел!

Каких картин только не появилось на дороге! Иноплане-

тянин? Пожалуйста! Крестики-нолики? Поиграем! Был даже весьма упрощенный вариант Венеры Милосской. Правда, с руками и всеми физиологическими подробностями – голая баба, короче! Многослойная волнистая линия – дилетантский замах на копирование общеизвестной картины Айвазовского «Девятый вал». Коллективная работа, есть повод для гордости и т.д. и т.п.

Кое-кто из ребят умудрился оставить личную роспись! Кто-то старательно вырисовывал собаку с задраным хвостом. Витя Копыто не придумал ничего лучшего как, периодически пережимая мужское достоинство, старательно регулируя напор и расход «краски», аккуратно вывел: «4 рта!» Коротко и ясно.

Когда вакханалия закончилась, озверевший и замерзший от длительного ожидания капитан Нахрен погнал нас в казарму «бегом».

Прибежали в казарму. Разделись. Пять минут «на умыться». Построились. Вечерняя поверка пролетела молниеносно. Курсанты, едва услышав родную фамилию, не успевали выкрикнуть: «Я!» Прозвучала поспешная команда «отбой», все рухнули в койки. Командир роты капитан Хорошевский ушел домой вовремя, абсолютно счастливый в надежде выспаться от души. Зря это он так!

Выспаться-то он выспался, но наутро его ждал неожиданный сюрприз. Плоды коллективной живописи, не особо бросающиеся в темноте уральской ночи, с первыми лучами утреннего солнца предстали в истинной красе.

Картина за курсантской столовой была ещё та! На ослепительно белом снегу, на идеально ровненьких сугробах были ТАКИЕ разнообразные и живописные узоры ярко-желтого цвета с однозначно-явным происхождением оных, что женская фракция гражданского персонала немедленно пришла в неопикуемый ужас. А когда «пришла в себя», то сразу же пришла в кабинет к генералу с праведным возмущением о вопиющем факте непотребного свинства.

Короткое расследование, проведенное начальником училища методом «мозгового штурма на основе логического анализа», моментально сузило круг подозреваемых до казармы 4-й, 5-й и 16-й рот 1-го учебного батальона. А как иначе, когда туалетный стояк трехэтажного здания «тю-тю».

Генерал незамедлительно вызвал нашего комбата и, ни в чем себе не отказывая, знатно отодрал Пиночета. Тот вылетел из кабинета начальника училища, как пробка из бутылки шампанского. Не заходя к себе в канцелярию, комбат посетил все три «подозрительные» роты и знатно отодрал всех

без исключения офицеров, попавшихся на глаза. Отодрал всех без разбора! Так, на всякий случай. Для профилактики. Нашел бы непосредственного виновного, вообще бы загрыз!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.